

РОМАНОВСКАЯ ОЛЬГА

ПЕДЯНКА МАГЛА

Ольга Романовская

Ледяная магия

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Поселившись в небольшом северном городке, Клэр искренне надеялась вести скромную тихую жизнь аптекарши. Поначалу так оно и было, пока на празднике по случаю окончания самой долгой ночи в году не сообщили об убийстве начальника местной стражи. И все бы хорошо, только в его руке нашли кристалл льда, а Клэр – ледяная ведьма... Сумеет ли она доказать свою невиновность, как свяжет ее магия с инквизитором Гордоном Рэсом?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	49
Глава 4	75
Глава 5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ольга Романовская

Ледяная магия

Глава 1

Верно говорят, беду ничего не предвещает. Вот и я спокойно заперла лавку, собираясь на ежегодный праздник в честь перемены зимы на весну. Он приходился на следующий день после долгой ночи. По легенде считалось, что тех, кто ее пережил, ожидало счастье. Многие суеверия, конечно, врут, но это недалеко от истины. Именно в самую темную ночь в году открывались врата в Нижние миры, просыпались уснувшие мертвецы, обретали особую силу магические предметы. Недаром усиленные патрули дежурили возле мест силы: они знали, куда потянется загробная братия. К счастью, до моего источника пока не добрались ни люди, ни нежить. Я обнаружила его совершенно случайно, когда гуляла по лесу, хотя какие случайности могут быть в жизни ведьмы?

Мороз щипал за щеки, рисовал на стеклах замысловатые узоры. Иногда, когда не могла заснуть, спорила с ним в умении укрощать застывшую воду. Моя магия ледяная, темная. Ведьмы, подобные мне, рождаются редко, но, если развивают дар, находят постоянный сильный источник, способны

уничтожить деревню за одно дуновение.

– Доброго утра, Клэр!

Обернулась на знакомый звонкий голос и помахала подавальщице из соседской таверны. Мы часто болтали с ней в предрассветных сумерках, когда посетители расходились, а хозяин с поваром еще не встали. Хорошая она, светлая, совсем девочка. Тайком следила, чтобы никто не причинил Рае зла, не раз кидала под ноги подвыпившим гостям ледяную дорожку. Улыбчивая рыжая девчонка, разумеется, не догадывалась, что общается с ведьмой, но подмечала, когда я захожу выпить взвару с лимонным пирогом, в таверне сразу становится тише, спокойнее.

Помахала Рае в ответ и, повернув ключ в замке, накинула капюшон. В отличие от местных женщин платков и головных уборов я не носила: не мерзла. И перчатки бы в погожие дни не надевала, не причинит холод вреда, но старалась чересчур не выделяться. Для всех я юная вдова, сбежавшая от горя из столицы в небольшой торговый городок. На самом деле родилась я в другой части империи, в доме сельской травницы. Отца никогда не видела. Мама говорила, он на ней не женился, пожил немного и сгинул. Через восемь месяцев на свет появилась я и жила себе спокойно, пока в семь лет не проступили на руках ледяные узоры. Помню, мать всю ночь проплакала, а наутро увезла в большой город. Добирались туда долго, на перекладных, ночевали где попало, питались впроголодь. Мама оставила меня на постоялом дворе, а са-

ма пропала на сутки. Грешным делом, я подумала: бросила. Вернувшись, она не сказала ни слова. Потом, уже став взрослой, решила, мама ездила к тому самому «случайному отцу», от которого мне досталась магия.

В Перекопе я обосновалась три года назад, как закончила учебу. Мама хотела, чтобы я стала кружевницей: больно хорошо, как живые, у меня выходили узоры. С таким наказом она отпустила в Махал, славившийся мастерицами на всю империю, только непутевая дочь постучалась совсем в другие двери. Зато теперь я умела считать и неплохо устроилась в свои неполные двадцать три. Аптечное дело прибыльное, заодно нашла применение опасному дару.

Проверив окна, не заберется ли кто, поправила щекотавшую шею русую косу и зашагала на звуки музыки. Мы, ледяные ведьмы, всегда блондинки, а глаза – как зимняя стужа, либо голубые, либо серые. Мне достались вторые. Откуда столько о ведьмах знаю? Так во время учебы пропадала в публичной библиотеке, восполняя пробелы в образовании.

День выдался изумительный, такой, какой я любила, настоящий зимний, чтобы и мороз, и солнце, и снег искрился. Его в логах нанесло по пояс, не растает до весны. Белоснежный, сущее серебро! Ребятишки с радостными визгами возились у дворов, лепили снежных баб. Малышня постарше играла в снежки. Запыхавшаяся, розовощекая, она излучила здоровье и молодость. И пусть, чем меньше у меня посетителей, тем лучше. В отличие от многих алчных аптекарей

я предпочитала как можно реже толочь порошки и готовить пилюли.

По воздуху долетел запах свежей выпечки. Задумавшись, остановилась. Не зайти ли в чайную? Если матушка Арина испекла те самые «улитки» с кленовым сиропом, не успокоюсь, пока не съем целую дюжину. Так что лучше не надо, береги фигуру, Клэр.

Краем глаза уловила новое лицо и нахмурилась.

Он стоял возле лавки портного и пристально наблюдал за мной. Судя по одежде, не местный, у нас в пальто долго не проходишь, в почете куртки да дохи.

Надвинув капюшон на лицо, переулком вышла на соседнюю улицу, оттуда – на Ратушную площадь. Хотя незнакомец давно остался позади, спину до сих пор сверлил его взгляд, недобрый, колючий. На мгновение екнуло сердце: неужели выследили, неужели поняли? Быстро отогнала глупое предположение. Какое дело инквизиции до скромной аптекарши? Я лечила по старинке, чары в микстуры не вплетала, вязь на руке тоже никому в глаза не бросалась, да и не заметишь ее днем, только при лунном свете или сильном волнении. словно два морозных узора переплелись, плотно обхватили запястье. Спрятать несложно, можно даже любовника завести. Я и вовсе сторонилась мужчин, справедливо полагая, безопасность дороже минутного наслаждения. Да и пришел и ушел – это не для меня, а мужей у ледяных ведьм не бывает, не созданы мы для семьи.

Ратушная площадь преобразилась за считанные часы. Еще вчера тут лежали штабеля досок, а теперь соорудили помост для скоморохов, огородили площадку для танцев. На соседней Торговой площади гуляла ярмарка. Мастера и купцы со всей округи привезли лучшие товары, заманивали горячим сбитнем, сладкими жареными орехами, серебром, пушистыми мехами.

Перекоп – город не большой и не маленький, в самый раз. Тут и шумно, и спокойно одновременно, камерный мирок, где тем не менее косо не смотрят на одиноких женщин. Конечно, мужчины пробовали ухаживать, свататься. Для порядка ходила на свидания, но кольца ни одного не приняла. Не могу, мол, еще жива память о супруге.

Выкинув из головы странного незнакомца – вдруг просто приглянулась, приезжие часто считают, будто в праве пялиться на женщин, – сбавила шаг и свернула к штакетнику вокруг площадки для танцев. Там уже вовсю надрывались музыканты, утрамбовывали снег несколько пар. Улыбнулась им и двинулась дальше. Нужно взглянуть на чучело Мары, местной злой ведьмы, которое ежегодно сжигали в честь будущей весны. В этом году колдунья выдалась на редкость страшной и уродливой, даже меня проняло. Кривой рот, белые пакли волос, два кривых зубами и узенькие красные глазки. Одели Мару во все черное – она ведь олицетворяла бесконечную ночь.

Дальше ноги понесли на ярмарку. Я бродила среди ря-

дов, пила сбить из деревянной кружки, приценивалась то к одному, то ко второму. Смотрела не с праздным интересом: давно хотела прикупить ткани на платье и разжиться серебряным браслетом. Последний планировала заговорить. Пусть сейчас в моей жизни все спокойно, всякое может случиться. В итоге нашла один. Он плотно облегал руку и защелкивался с помощью скрытой пружины. Состаренное серебро добавляло шарму, а неумело, неправильно выведенные руны отвели бы подозрения у излишне внимательных людей. Ни одна уважающая себя ведьма не нанесет такие на оберег. Только моя защита иная, глазу не видимая – тончайшая ледяная корочка. В нее и вплету нужные слова. Одно плохо – цена. Как ни торговалась, кузнец стоял на своем, не желал сбавлять. Переплачивать я не привыкла, да и доходы аптекарши невелики, не могу монетами разбрасывалась. В итоге купила колечко. Просто так, подарок на день рождения. Когда он, знала лишь я, вечно отшучивалась, когда спрашивали, когда появилась на свет. Дурная примета – назвать день, когда появилась на свет. Если собеседник – маг, он может повлиять на судьбу. Знали бы люди, избежали бы многих бед.

Второй стаканчик сбитня окончательно выветрил дурные мысли, меня потянуло танцевать. Вот и любимый рил, заводной, наполненный жизнью. Ощущала, как музыка растекается по телу, и, уступив соблазну, вернулась на Ратушную площадь. Кавалера искать не пришлось, меня быстро затащили на площадку. Закружилась, взметнулась колоколом плотная

шерстяная юбка, застучали по настилу каблучки. Народные танцы простые, но энергичные, за это их любила. Пока жила в Махале, познакомилась с другими, холодными, искусственными для господ. Аптекарь даже обучил одному аристократическому танцу. Его пригласили в Ратушу на ежегодный прием для именитых горожан, жена давно умерла, дочери маленькие, сестры нет, пришлось взять меня.

Кавалер, один из офицеров местной стражи, шептал на ушко комплименты, предлагал прогуляться. Улыбалась и молчала. Зачем сразу огорчать хорошего парня, портить праздник? Алан не виноват, что в душе ведьмы – лед.

Внезапно музыка смокла. Толпа недовольно зароптала. Под ее нажимом музыканты снова взялись за инструменты, но властный голос приказал: «Прекратить!» Горожане, в том числе я, дружно обернулись к нарушителю спокойствия. Отчаянные головы, успевшие перебрать спиртного, потребовали выкинуть мужчину с площади, чтобы не мешал веселиться. Однако вряд ли у них это бы вышло: за спиной давешнего наблюдателя в сером пальто стояли гвардейцы. Я признала их по синей форме с серебряными нашивками. Не показалось, не соврало предчувствие! Гвардейцы отродясь в Перекопе не квартировали, нам хватало стражи. Она охраняла покой горожан, ловила жуликов, расследовала редкие преступления. И тут гвардейцы, целый отряд.

Сразу стало тихо, очень тихо, даже дети не кричали. Все понимали, просто так обладатели синей формы не появля-

ются.

Извинившись, Алан побежал к своим, в оцепление. Понимаю, в любой момент страже могут отдать приказ, она обязана его тут же исполнить. Алан ведь на дежурстве, на площадку ради меня вышел. Нравилась я ему.

Не прошло и пары минут, как площадка для танцев опустела.

Затерявшись в толпе, напряженно следила за незнакомцем в пальто. Он точно не местный, порода не та. На севере все круглолицые, светлые, а этот шатен с острыми звериными чертами. Верхняя губа чуть приподнята, будто незнакомец вечно чем-то недоволен. Он явно выходец из высших сословий, если не дворянин, то из зажиточных мещан – таких за километр выдает осанка, повадки. Опять же пальто, щегольское оно, дорогое.

– Простите, что прерываю ваш праздник, – не сомневаюсь, угрызений совести шатен не испытывал, – но в городе совершено серьезное преступление, мой долг найти и покарать виновника.

Судорожно сглотнула. Какое преступление? Вроде, тихо все.

А владелец серого пальто продолжал:

– Прошлой ночью убит Анаис Клет.

Толпа дружно охнула. Начальник местной стражи! Выходит, не вернулся от тещи. Только почему он не остановился где-нибудь на ночь? Даже если не веришь в потусторонние

силы, не видно ведь ничего, убиться ничего не стоит.

– Тело обнаружили на постоялом дворе в паре километров от Перекопа.

Остановился-таки, не спасло.

Крепко, но так, чтобы никто не видел, сжала кулаки. Оставалась надежда, что на Анаис погиб в пьяной драке или пал жертвой любителей желтого металла, тогда гвардейцы быстро зачистят окрестности и уедут восвояси. Только внутренний голос шептал: «По твою душу пришли, ведьма!»

– Повреждений не обнаружено, – продолжал зачитывать смертный приговор инквизитор, теперь сомнений в роде его занятий не осталось, – только небольшой кристалл льда зажат в пальцах. Само тело тоже окоченело, кровь замерзла.

«Беги, ведьма, беги!» – вопил поднявший голову страх, а я стояла, бледная, окаменевшая. Лед – это конец, разбираться не станут. Одно хорошо: обо мне пока не догадываются. Надеюсь.

– Если в деле замешана магия, к делу привлекается инквизиция. Позвольте представиться: Гордон Рэс, старший следователь Второго отдела имперской государственной службы. Прибыл порталом из Стакета.

Мир рухнул и разбился на десятки осколков. Даже не рядовой, а старший, столичный. Бежать и еще раз бежать, пока не поймал кареглазый! Только продумать все нужно, чтобы по следу не пошли, то есть не сразу, а затаиться. Я даже на вопросы инквизитора отвечу, если тот пожелает их задать.

Скромная аптекарша, безусловно, знала Анаиса Клета, кто ж его не знал? Ну, пару раз чай с ним пила, сам приглашал, но не лечила, его врач пользовал. Господа ко мне вообще редко хаживали, они доверяли только обладателям дипломов. Какое дело заезжему следователю до правды?

Лишь бы только магическую стену не соорудили! Тогда все, из города не выбраться. Но, вроде, маг за плечом Гордона не маячит, выходит, портал открывал столичный, а обратно господам добираться через стационарный, в Махале. Мысленно улыбнулась. Не все плохо, живем!

Дальше последовали логичные вопросы: не слышал ли кто чего? Откуда, люди в самую темную ночь по домам сидят, а не по дорогам шатаются. Так ничего и не выяснив, старший следователь инквизиции, того самого Второго отдела, велел по возможности не покидать город и милостиво разрешил продолжить праздник. Только веселье давно улетучилось, не до танцев.

Впервые порадовалась вниманию Алана. Нужно вечером его расспросить, страже наверняка больше расскажут. Принесу поесть, скрашу дежурство, слово за слово и выпытаю планы инквизитора.

Бочком, стараясь не попадаться на глаза старшему следователю, выбралась с площади. К счастью, господин Рэс был занят более важным делом, нежели слежка за безобидной ведьмой – беседовал со стражей. По тревоге подтянулись те, кто проводил этот день с семьей. Их недовольные жены при-

жимали к себе детей. Малыши, круглолицые, розовощекие, ничего не понимали, невозмутимо сосали петушки на палочке.

Ярмарка постепенно сворачивалась, все равно никто ничего не покупал. Может, рискнуть, торговать браслет? Кузнец поворчит, но сделает скидку – лучше мало, чем совсем ничего. Покосилась на гвардейцев и решила: не стоит. Зачем лишний раз привлекать к себе внимание?

Солнце светило все так же ярко, но Перекоп будто погрузился во тьму. Хмурые горожане сбивались в стайки, шептались. Хлопали двери, запирались лавки, зато подавальщицы в трактирах и тавернах едва успевали подавать жбаны с элем. Новости, как известно, лучше всего обсудить за кружечкой горячительного. Питейные заведения в провинции заменяли газеты.

Но вот и дом. Быстро глянув через плечо, не увязался ли кто, торопливо отперла замок и юркнула внутрь. Только когда лязгнул засов, почувствовала себя в относительной безопасности.

Прислонившись спиной к двери, тяжело дышала. Ладони вспотели и покрылись инеем. Нельзя так, Клэр, нужно держать магию под контролем, не позволять чувствам управлять даром.

Мне было страшно, даже когда, заблудившись в лесу, повстречала медведя, так не испугалась, а ведь тогда чудом ушла. Косолапому все равно, кто перед ним: ведьма или про-

стой человек, – заломает, костей не соберешь.

По виску стекла капелька пота.

У Анаиса Клета нашли кристалл льда. То ли меня подставили, то ли в округе объявилась еще одна ледяная ведьма, может, даже колдун. Их в народе боялись больше нежити, я тоже предпочла бы не встречаться. Дар у колдунов сильнее нашего, а характер всегда мерзкий, злопамятный.

Меня всегда успокаивала работа, вот и теперь, скинув полушубок и разувшись, взялась за заказы. Начну с порошков – монотонные движения прогонят дурные мысли.

Я жила на втором этаже, а лавку держала на первом. Там же, за перегородкой, обустроила небольшую лабораторию. Мерные весы привезла из Махала, остальное заказала здесь. Местные мастера не хуже уездных, глупо переплачивать в дилижансе за багаж.

Ополоснув лицо водой, спустилась в лавку. Мирно, по-домашнему поскрипывали половицы, тикали на стене часы с гирьками. Солнце золотым потоком лилось на пол сквозь окна – я не заставляла их на день, даже когда уходила по делам. Надев передник и перчатки, принялась за дело. И, действительно, волнение постепенно отступало, затаилось в глубине сознания. Пальцы привычно перетирали травы. Чуть поскрипывал пестик, ударяясь о стенки ступки. Покачивались чаши весов, отмеряя нужные унции. В лавке пахло имбирем – я готовила порошок от кашля.

Ну вот, готово.

Разделила получившуюся смесь на порции и завернула каждую в пергаментную бумагу.

Так, теперь займусь микстурой от жара. Зима – время простудное, лучше заготовить побольше, чтобы не пришлось трудиться по ночам. Только собиралась сходить в кладовку за малиной и душицей, как в дверь постучали. Не в заднюю – парадную, ту, через которой впускала посетителей. Нахмурившись, замерла, прислушиваясь. Сердце екнуло и снова часто-часто забилося в груди. За лекарством пришли или за мной? Требовательный стук повторился, пришлось впустить.

– У нас закрыто, но вы...

Гвардеец не дал договорить, отодвинул с дороги и направился напрямик к прилавку. За ним, бросая на меня извиняющиеся взгляды, вошел стражник. Я его не знала, он меня, видимо, да.

– Послушайте, – уперла руки в бока, – по какому праву вы врываетесь в чужой дом?

– Вы вдова Рур? – Совесть в хозяине синей формы спала непробудным сном.

– Для вас – госпожа Рур, – голосом расставила точки над «и».

Гвардеец обернулся, с легким раздражением осмотрел с головы до ног. Ответила ему ледяным презрением. Может, во мне нет ни капли дворянской крови, но чувства собственного достоинства присуще не только баронессам.

– Хорошо, прошу прощения, госпожа Рур.

Гвардеец всем своим видом показывал, что делает мне одолжение. Ну-ну, долго ты в аптеке не задержишься, хамов не потерплю.

– Во второй раз спрашиваю: что вам угодно?

Я демонстративно встала у порога. Мол, не задерживайтесь, дорогие гости.

– Полагаю, вы уже слышали об убийстве?

Гвардеец рыскал по лавке, словно охотничий пес, вынюхивал, высматривал.

Кивнула. Какой смысл отпираться, только ленивый не шептался о жуткой кончине господина Клета.

– Мастер Рэс велел найти всех, кто его знал.

Гвардеец обернулся, сверля тяжелым взглядом.

Рассердившись, настежь распахнула дверь.

– Пусть ваш мастер Рэс сам приходит и допрашивает, только рассказать мне ему нечего. А теперь убирайтесь.

Гвардеец неохотно удалился, бормоча под нос «добрые» пожелания в мой адрес. Привык к безнаказанности, тому, что люди пугаются, позволяют обыскивать дома без специального ордера. А я ведьма, существо смелое, наглое, без бумаги лучше не появляться.

– И дня не прошло, а уже всю кровь выпили! – пожаловался стражник.

Он хотел задержаться и поболтать. Ссориться со своими не хотелось, да и информация лишней не бывает. Послушаю,

что вечером скажет Алан, сопоставлю. Посему заперла лавку и предложила выпить чаю. Я свой делаю, на травах.

Устроились, разумеется, на кухне. Она у меня небольшая, но уютная. Печка с изразцами, вязанные сиденья на табуретах, разные поделки на стенах. На полках – банки с вареньем, все подарки. Аптекарское дело я любила, работала на совесть, поэтому часто лакомилась сладеньким долгими зимними вечерами. Так приятно развести огонь, прислониться к теплому боку печки и слушать завывание выюги в трубе. Пусть ярится, все равно не достанет. А прорвется, так узнает, кто здесь хозяйка.

Поставила чайник на плиту и пододвинула к стражнику, которого звали Нором, блюдо с пирожками.

– Ну?

– Так праздник испортили, проклятые! – Первый пирожок исчез в широком рте. – Наши у синих на побегушках: подай, отведи, отнеси. Командир пробовал возражать, так гвардейский капитан ему бумагу под нос сунул, мол, положено всячески содействовать. Инквизитор и вовсе никого не замечает, заперся в лучшем номере гостиницы. Спит, наверное.

Ох, сомневаюсь!

– А почему в дома врываются, что ищут?

Сунула Нору еще один пирожок и ошпарила чайник. Ну вот, за пару минут заварится. Аромат от трав!.. Тут немой разговорится, а я еще ласково смотреть умею.

– Ледяных, вестимо. Слыханное ли дело, чтобы в Переко-

пе – и ведьма, али и вовсе колдун!

Приклеенная улыбка застыла на губах. Все внутри меня сжалось. Бежать и еще раз бежать! Думала переждать, не выйдет.

– Город наверняка оцепили, – спросила невзначай, словно из простого любопытства. – Облаву ночью устроят? Ведьмы, они ведь ночные, да?

Заведомо говорила глупости о себе подобных, нельзя сейчас осведомленность показывать.

– Почем мне знать, никогда с такой пакостью не встречался.

Стражник сплюнул через плечо и с тоской уставился на блюдо с пирожками. Двух ему явно не хватило, но братъ еще он боялся.

А я сидела как на иголках. Оцепили или нет?

– Может, и нет никакой ведьмы, – рассуждал вслух Нор. Пирожок он все же взял. – У нас места тихие, так, вурдалаки иногда шалят. Столичные господа часто с большим воображением, им все сложное подавай, научное. Вот и господин Клет, светлая ему память, просто замерз, а инквизитор сразу ведьму ледяную выдумал. Вымерли они давно.

Поболтав еще немного, выяснила, никто облаву не устраивал, просто усилили ночные патрули. Ничего, вряд ли гвардейцы станут каждый двор стеречь, выберусь. Стен у Перекопа нет, двухэтажные каменные дома только в центре, а дальше обычные подворья со скотиной.

Скормив стражнику почти все пирожки и влив в него две кружки чая, немного успокоилась. Не знает обо мне инквизитор, как слепой котенок, тычется. Эх, жаль, как сбегу, по следу гвардейцев пустит. Значит, нельзя огородами, нужно на виду у всех, под благовидным поводом. И я его придумала, в минуту опасности разум работает быстро.

Вымыв посуду, я не вернулась в лабораторию, а устроилась в кабинете. Измарала немало бумаги, пока не сочинила письмо от мнимой свекрови. Черновики сожгла, пепел растерла кочергой, чтобы ушлые приезжие не нашли. Само письмо вывела левой рукой, максимально изменив почерк. Теперь нужно незаметно сунуть подделку в сумку почтальона. Уверена, письма он сегодня не разносил, не до того.

Поиски Кевина Треви начала с ближайшего к Ратушной площади трактира и не ошиблась. Почтальон устроился возле бочек с пивом и, вздыхая, беседовал с хозяином о сущности бытия. Кевин успел изрядно выпить, за имуществом не следил, небрежно кинул сумку на пол. Может, и мне подойти, послушать? Медовый эль тут хороший, даже почтенным вдовам можно.

Улыбнувшись знакомым, направилась напрямик к стойке.

– О, Клэр, какими судьбами?

Хозяин, весельчак Рон, отсалютовал мне пустой кружкой.

– Да вот к людям хочется, после страстей-то!

Устроилась рядом с Кевином, благо местечко как раз пу-

стовало, и незаметно подвинула ногой сумку. Вот так, теперь она у самой стойки, осталось невзначай наклониться, поправить сползший чулок, и засунуть внутрь письмо. Его я спрятала в рукаве.

– И не говори, – поддержал беседу Рон, – чтобы у нас – и ледяная ведьма!

– Говорят, ик, они детей едят, – подал голос изрядно податый Кевин. Такой не заметит, если карманы обчистят, когда только успел набраться? – А еще у них зрачков нет.

Угу, и патлы до земли, и руки – плети. Сколько всякой чуши только не рассказывают о нашей сестре! А все потому, что ледяная ведьма – зверь редкий, никто ее не видел.

– Ужасы какие! – деланно всплеснула руками. – Немудрено, что прислали инквизитора.

– Ничего, – заверил хозяин, щедро налив мне медового эля, без пены, до краев, – гвардейцы разберутся, отольется ведьме смерть бедняги Клета.

Чокнулись, помянув покойного. Я чуть пригубила из кружки, а вот почтальон влил в себя половину, не меньше. Довольно крикнув, он вытер пену с губ и потянулся за закуской – ржаными корочками с солью. Ладно, пора. Стыдливо, словно действительно хотела оправить одежду, быстро нагнулась и сунула письмо в сумку. Дело сделано, никто за руку не поймал, завтра смогу с чистой душой покинуть Перекон. Навсегда или нет, пока не решила, дождусь вестей о расследовании. Если виновной признают меня, слухи быстро

расползутся по уезду. Если нет, то вдова Рур снова откроет аптечную лавку. Куда подамся, пока тоже не решила. Начну с Махала, а дальше как пойдет.

Для порядка посидела еще немного и, сославшись на поздний час, побрела домой. Один из новых знакомых – в трактире непременно такими обзаведешься – порывался проводить, я вежливо отказалась. Перекоп – город тихий, тут, конечно, грабят, но можно не опасаться за жизнь, если вдруг загуляешь. А теперь, когда повсюду усиленные патрули, и вовсе спокойно. Всем, но не мне. Стараясь держаться подальше от чадающих фонарей – их установил предыдущий мэр, когда пытался вдохнуть в провинцию немного столичного лоска, – мелкими перебежками добралась до угла улицы, перпендикулярной моей. Патруль! Я сначала почувствовала, а потом увидела его. Шестерка: двое гвардейцев, четверо наших. Направляются в мою сторону. Сердце екнуло и подскочило к горлу. Лучше не попадаться им на глаза, раз пришли в лавку, подозревают. Оглядевшись, юркнула за бочку со сточной водой. Буквально через минуту свет фонаря мазнул по мостовой в паре метров от меня. Солдаты шагали тяжело; чуть позвякивало оружие. Задержала дыхание, когда гвардеец во главе патруля поравнялся со мной. Уфф, прошел мимо, не заметил. Выждала, когда стихнут шаги, затеряется далеко впереди свет фонаря, и метнулась к лавке. Спокойно выдохнула, только когда оказалась по ту сторону двери. Задвинув засов, провела рукой по лбу, смахнув капельку пота.

Тяжелый выдался день, надеюсь, следующий принесет больше положительных эмоций.

Глава 2

Может, Кевин и пьяница, но почту разнес вовремя. Заветное письмо я получила вместе с крынкой сливок от молочника – люблю с утра выпить свежего кофе, у каждого свои слабости. Изобразив удивление, поблагодарила и вернулась в дом. Настроение повысилось, мир больше не виделся в черных красках. Пританцовывая, взялась за ручную мельницу, когда задребезжал колокольчик в лавке. Кто же это так рано? Нахмурившись, как была, в ночной рубашке и длинной шали, заменявшей халат, отправилась открывать. Письмо осталось лежать на столе. Содержимое его я прекрасно знала, но для порядка вскрыла – надо же что-то предъявить мрачному инквизитору, когда он надумает позвать на допрос. В глубине души надеялась отделаться малым, то есть управой.

Колокольчик снова жалобно звякнул.

– Сейчас, сейчас! – раздраженно крикнула я, запнувшись о домашнюю туфлю.

Накинуть бы чего-нибудь, но вряд ли пришел клиент, наверняка заглянула соседка. Посидим на кухне, обсудим последние сплетни.

– Заходи, кофе уже...

Распахнула дверь и осеклась, испуганно попятилась в лавку. На пороге стоял Гордон Рэс собственной персоной, гладко выбритый, поразительно свежий, пахнувший одеколоном,

и все это в восемь утра. Только вот глаза остались прежними, и они, глаза, казалось, прожгут во мне дыру.

– Доброго утра и простите за столь ранний визит.

Инквизитор вежливо склонил голову и вошел. Только сейчас я сообразила, в каком виде стою перед ним, и засмушалась. Может, я и ведьма, но не принимаю мужчин в ночных рубашках.

– Пригласите на чашку кофе или чая? – Гордон оказался наглым.

Кивнула. Такому не отказывают.

– Мне передали ваши вчерашние слова. – Взгляд инквизитора обежал лавку и снова остановился на мне. Ну хоть бы чуточку интереса, так нет, словно бездушный предмет перед ним, а не женщина, даже обидно. – Увы, ордера у меня нет, но, полагаю, моя должность – достаточное основание для беседы. Вижу, вы только что встали... Ничего, я подожду, переоденьтесь.

Проклиная небеса, которые послали шатена в мой дом, проводила незваного гостя на кухню и в сердцах плеснула ему вчерашнего чаю. Хотелось и вовсе заморозить чашку, но сдержалась. Для всех у Клэр дара нет, она не умеет укрощать стихию.

– Сердитесь? – Инквизитор попался догадливый.

Он скромно устроился в уголке стола и пристально наблюдал за каждым движением.

– А как вы думаете? – Резко обернулась, уперев руки в

бока. Края шали чуть разошлись, но плевать, я слишком зла, чтобы обратить внимание на подобные мелочи. — Сначала вы посылаете своих подчиненных, которые ведут себя со мной как с преступницей, потом являетесь сами, портите завтрак, смущаете одинокую женщину взглядами. Может, в столице так принято, но у нас строгие нравы. Я порядочная вдова, а не куртизанка.

Губы Гордона тронула легкая усмешка.

— Не знаю, обрадую я вас или огорчу, но куртизанки бы из вас не вышло.

— Вот и хорошо! — закинула конец шали на плечо и чиркнула огнем. — Задавайте свои вопросы и уходите, не хочу, чтобы соседи пальцами тыкали.

Старший следователь усмехнулся. Интересно, что ему показалось забавным, моя репутация?

По полу гулял сквозняк, напоминая, что кое-кто забыл надеть чулки. Дом старый, отопление тут печное, зимой нужно держать ноги в тепле.

— Я разрешил вам одеться, — напомнил Гордон, будто это решало проблему.

Как бы ему объяснить, что нервничаю я не из-за внешнего вида, а из-за инквизитора на собственной кухне. Вблизи он оказался таким же, каким явился народу на Ратушной площади. Про таких говорили: мужчина неопределенного возраста. Возле глаз залегли легкие морщины, хотя взгляд ясный, и складок возле рта, первыми выдавших возраст, нет.

Наверное, старший следователь привык много работать, часто шурился, как все крючкотворы или ученые. Инквизитор и вовсе совмещал оба рода занятий. Лицо волчье, и дело даже не в чертах, ведьмы умели чувствовать людей, и я видела истинную суть Гордона. Это сильный и умный противник, с ним лучше не встречаться.

– Тогда последите за чайником. Надеюсь, в шкафу рыться не станете, не хочу потом пересчитывать банки с вареньем.

Верхняя губа Гордона дернулась, так и не поняла, от возмущения или смеха.

– Искать и пересчитывать – моя профессия, – заметил инквизитор.

– Да-да, я помню, вы столь эффектно представились, испортили всем веселье.

Шаль снова сползла, пришлось завязать ее узлом на груди. Краем глаза проследила за следователем – никакой реакции. Хотя бы из вежливости мог проявить интерес к женским прелестям. Мужчины предсказуемы, и если Гордона волнуют только мои слова, он видит во мне ведьму. Они бесполы, к ним не испытываешь влечения, только холодную ненависть, такую же, как я к собеседнику.

– Веселье испортил кто-то другой, но я рад, что у вас отменная память. Не нужно меня соблазнять, уважаемая, я не уйду, пока не получу ответов на вопросы.

Сердце подскочило к горлу, ладони стремительно леденели, пришлось спрятать их под шалью, чтобы скрыть высту-

пивший на коже иней.

Возмущенно фыркнула, красноречиво давая понять, что думаю о гнусных инсинуациях.

– Я отвечу на любые, обождите.

Короткая передышка придала сил. Застегивала пуговицы и постепенно успокаивалась. Гордон блефует, он не может знать, никто не знает. Я не ссорилась с Анаисом Клетом, не переходила дорогу членам городского Совета, не нажила врагов, разве только врач неодобрительно посматривал в мою сторону. Но одно дело конкуренция, другое – обвинение в убийстве. До меня в Перекопе тоже жил аптекарь, его ведь не сожгли.

Для беседы с карающим мечом закона выбрала скромное серое платье. Чтобы немного разбавить унылый цвет и выйти из образа чересчур правильной девочки, освежила его белым воротничком и синим платком. Вышло в меру строго и немного кокетливо, именно так бы оделась честная молодая вдова.

Вопреки опасениям, инквизитор сидел там же, где его оставила. К чайнику не притронулся, и вода, бурля, грозила выбить крышку. Метнулась к плите и сняла его с огня. Ошпарив чайник, заново заложила травы – не стоит сердить Гордона, подавая пойло.

– Вы сама любезность, госпожа Рур, – в голосе следователя сквозила усмешка.

– Простите, – сухо извинилась за прежнее поведение, – не

люблю неожиданных утренних визитов.

Он проигнорировал мои слова и поинтересовался:

– Давно овдовели?

Вот и начался допрос. Ничего, эту легенду я повторила не раз, вызубрила назубок. Монотонно, не забывая в нужных местах прерываться, якобы сдерживая рвавшиеся наружу воспоминания, поведала историю короткого брака с сыном аптекаря, заодно объяснила, отчего вдруг выбрала нынешний род занятий. Инквизитор слушал молча, не перебивая. Не могла понять, верит он мне или нет.

– И решили перебраться в Перекоп... Спасибо, – кивнул Гордон, когда я поставила перед ним дымящуюся чашку чая.

Пожала плечами:

– Почему нет? Город ничуть не хуже других. Хотелось сбежать от прошлого.

Сказала и поняла, какую фатальную ошибку допустила.

– Сбежать от прошлого, значит? – оживился следователь.

Глаза его блеснули: зверь почуял добычу.

– Да, – отступать некуда, придется продолжать. – Жить там, где все напоминает о муже, невыносимо.

– И поэтому вы едете навестить свекровь? – инквизитор указал на вскрытое письмо.

Значит, прочитал. А как же тайна личной жизни?

– Послушайте, уважаемый...

– Мастер Рэс, – подсказал Гордон, – ко мне надлежит обращаться «мастер Рэс».

И ни капли раскаянья, хотя о чем это я, инквизиторы – самые бессовестные люди на свете, чувства у них напрочь отсутствуют, все, кроме тех, которые помогают ловить колдунов и ведьм.

– Хорошо, мастер Рэс, – сквозь зубы пробормотала я, – позвольте узнать, в чем меня обвиняют.

Чай в чашке стремительно остывал, затем и вовсе подернулся тонкой корочкой льда. Моргнула, и магия схлынула, оставшись незамеченной, однако теплее напитков не стал, пришлось изображать, будто прихлебываю горячий. Ничего, выпровожу Гордона и побалую себя кофе.

– Ни в чем, – огорошил инквизитор, – я просто зашел побеседовать. Гвардейцы бывают грубы, приходится заглаживать их промахи. Вы не единственная, кого они вчера оскорбили.

– Ничего, я отходчивая.

Пар! Он заметил, что от чашки не идет пар!

Силой воли приковала себя к табурету. Пошла на риск и пару раз глубоко вздохнула. Если Гордон догадался, хуже уже не сделаю, зато успокоюсь, насколько это возможно.

Гордон безмолвствовал, пристально изучая мое лицо, а затем таинственно обронил:

– Интересная вы женщина! Благодарю за чай, сделайте милость, проводите меня.

Поднялась и на негнущихся ногах спустилась следом за инквизитором в лавку. Он вел себя так, будто ничего не про-

изошло, но я-то знала, это не так. Выбора не осталось, придется пожертвовать лавкой.

Стоило закрыться двери, как я кинулась наверх, спешно выгребая содержимое сундуков. Откопав дорожный кофр, быстро покидала туда самое необходимое: смену белья, несколько платьев, аптечку и шкатулку с драгоценностями. Деньги запихнула под лиф платья – самый надежный тайник. Забрала все, что хранила на черный день, все равно не вернусь. Лучше уложиться заранее, чтобы не тратить драгоценное время ночью. Убедившись, что ничего важного не оставила, прибралась. Сердце перестало ухать в груди, руки уже не тряслись, я могла мыслить здраво и не торопилась. Со стороны все должно казаться, словно я никуда не собиралась. А шкатулка, кто про нее знал, о таких вещах не говорят. Оглядела чисто прибранную комнату и улыбнулась. Прекрасно, теперь нужно навеститься к Алану. Не люблю прибегать к любовной магии, но парень простит и поймет.

Заложив обе двери на засов, занялась древнейшим искусством, из-за которого пострадала не одна ведьма. Рецепт приворотного зелья каждая из нас помнит назубок, меня в свое время научила мама. Пусть она не ведьма, но изредка помогала изнывавшим от неразделенной любви девушкам обрести счастье. Мама никогда не соглашалась сварить зелье за деньги, всегда долго расспрашивала страждущую и сама решала, дать бутылочку или отправить просительницу во-свояси. Того, что подсмотрят через окошко, не боялась. Мой

уголок в глубине лавки, за прилавком, даже если прильнуть к стеклу, разглядишь только смутную тень.

Распустила волосы и сняла украшения. Мне не требовалось сковать Алана вечной страстью, поэтому не стала раздеваться донага. Такому, мама, разумеется, не учила, выяснила сама, когда медленно, капля за каплей просыпалась ве-
довская кровь.

Магия радостно вырвалась на свободу. Кожа моя засеребрилась, вспыхнули и сползли в воду узоры на запястье, словно в котелок пролился звездопад. Вода зашипела и мгновенно застыла. Послунявив палец, вывела на ней имя жертвы. Все, обратного пути нет. Наклонившись, поцеловала корочку льда, тихим шепотом влетая в воду слова заклинания: «Никого, кроме меня, не будешь видеть, никого, кроме меня, не будешь слышать. Я стану тобой, заменю солнце и луну, прикажу – придешь, захочу – сделаешь». С каждым словом вода оттаивала, когда закончила, ото льда не осталось и следа.

Теперь травы и огонь. Знала бы матушка, чем я занимаюсь, никогда бы не пригрела чужака. Она и так сожалела, я ведь видела, не слепая, пусть и ребенок. Именно поэтому переселилась в Перекоп: не хотела напоминать, создавать проблемы. Пусть живет спокойно, хватит с нее осуждения за внебрачную дочь. Если пройдет слух о ведьме... Страшно представить, что с ней сотворят! Да и тяжело бы мне пришлось, всеми правдами и неправдами пытались бы выдать

замуж. Сами понимаете, деревня не город, пусть даже маленький, там иные законы.

Вскоре лавку заполнил аромат руты и заманихи – основных ингредиентов приворота. Я готовила капли, которые собиралась подмешать в вино. Уговорить Алана пригласить меня на свидание несложно, дальше улучу минутку, волю зелье в стакан. Трех капель хватит, не хочу, чтобы бедняга что-то с собой сотворил, узнав о моем предательстве. Пусть поболует любовью с неделю и утешится в объятиях другой женщины.

Так, теперь, когда вода прокипела, можно добавить чуточку перца, кориандра и мандрагоры. Теперь барвинок и сразу остудить, чтобы не успел свариться. Стоило коснуться котелка, как огонь, шипя, погас, а сам чугунок заиндевел. Воровато оглянувшись, не подсматривает ли кто сквозь щели, сняла зелье с треноги и процедила. Вышло много, наполнила крохотный флакон, остальное вылила. Надо не забыть проветрить лавку, а то наведается вновь господин инквизитор, вторично поймает на горячем.

Тщательно вымыла котелок и убрала травы. По отдельности они безобидны, специями и вовсе пользовалась любая хозяйка. Убедившись, что уничтожила все следы преступления, и отперла двери и распахнула окна. Соседи привыкли, я вечно что-то варила, а после проветривала лавку. Морозный воздух живительной струей хлынул внутрь, унося прочь пряный аромат. Пара минут, и дома пахло только декабрь-

ской свежестью. Я любила зиму, лучшее время в году, самое светлое, полное желаний, пусть даже на него приходилась та самая страшная ночь, вот и теперь улыбнулась, когда щеки коснулся ледяной поцелуй. Все будет хорошо, я слишком молода, чтобы умирать, пусть мастер Рэс катится в Мрачные чертоги Мары!

На лице расцвела улыбка, я поверила в собственную звезду. Когда вновь зазвенел дверной колокольчик, не вздрогнула, а сразу пошла открывать. Лимит бед на сегодня исчерпан, там всего лишь покупатель. Продам очередной сироп от кашля, поболтаю о последних новостях, до вечера все равно далеко, моего последнего вечера в Перекопе.

* * *

Наряд для свидания подбирала тщательно, одновременно чтобы нарядно и не вызываяще. В итоге остановила выбор на синем декольтированном платье. Оно самого простого кроя, шерстяное, вся пикантность именно в полукруглом вырезе, отороченном атласной лентой. Стыдливо прикрыла его газовым шарфиком. Ну вот, соблазнительная благочестивая вдова готова, можно отправляться в управу. Втайне надеялась, Алан освободился после дежурства, тогда мы сможем посидеть у него. Если нет... Тяжко вздохнула. Что-нибудь придумаю.

Флакон с приворотным зельем закрепила в привычном

месте – под манжетой. К затычке привязала ниточку, чтобы в нужный момент быстро открыть.

Укутавшись в пуховой платок, набросила полушубок и скользнула в ночь. Обострившиеся после визита Гордона Рэ-са чувство опасности заставляло вздрагивать от каждого шороха, даже скрипа собственных ботинок. При виде патруля обмирало сердце, но я заставляла себя идти, здороваться со знакомыми стражниками, если таковые попадались. Этим вечером мне нельзя прятаться, в управе все равно расскажут, кого я искала, лучше не провоцировать лишние подозрения.

Заметно подморозило, или собственная магия сыграла злую шутку?

Но вот и управа. В ней под одной крышей ютились мелкие клерки и участок городской стражи, один на весь Перекоп. Водосточные трубы приземистого, будто его придавила неведомая рука, здания оплел лед, с крыши свисали сосульки. Незаметно, благо темно, сбила самую опасную: не хочу, чтобы кто-нибудь покалечился. Со стороны все смотрелось естественно, рано или поздно сосулька упала бы на крыльцо.

– О, привет, Клэр!

Вздвогнув, обернулась. Навстречу мне с широкой улыбкой на лице и фонарем в руке шагал Жан, сослуживец Алана. Разумеется, не один, в компании трех гвардейцев. Они смотрели с явной неприязнью. То ли это в крови у всех обладателей синих мундиров, то ли до них дошли слухи о том, как обошлись с их сослуживцем. Отплатила гвардейцам той

же монетой и обернулась к Жану.

– Послушай, я тут принесла кое-что Алану, – показала на болтавшуюся на локте корзину с провизией. – Бедняка наверняка не ест толком, господа, – покосилась на столичных гостей, – всех поставили на уши.

– Он скоро освободится, то-то обрадуется! – подмигнул Жан.

Наивный, он верил, будто я питала к Алану нежные чувства.

Убедившись, что перед ними не опасная преступница, а всего лишь желавшая снова выскочить замуж женщина, гвардейцы ушли в управу греться. Проводила их неприязненным взглядом и, подумав, наложила простенькое проклятие. Оно без следа рассеется к утру, ни один специалист не найдет следа, зато я наверняка избавлюсь от «хвоста». Ничего страшного гвардейцам я не пожелала, всего лишь провалиться в глубокий сон.

Дар радостно вострепнулся, струйками холода заструился по телу. Знаю, милый, я давно к тебе не прибегала, ты успел заскучать.

– Так я его тут подожду? – нерешительно покосилась на дверь управы.

– Э, тут такое дело, – замялся Жан и поставил фонарь на крыльцо. – Словом, он сюда не вернется, лучше сразу на квартиру иди или в трактире поищи.

– Каком трактире?

Я пока дорожила репутацией и не собиралась публично дожидаться мужчину в спальне.

– Давай провожу. Только там беспокойно...

– С Аланом мне ничего не страшно, – широко улыбнулась я.

Отчасти это было правдой.

«Дикая кошечка» располагалась в месте, где я прежде не бывала. Он располагался с другой стороны Перекопа, у самого въезда в город и пользовался дурной славой. Пусть тут массово не обитали убийцы, зато собирались разные темные личности. А еще здесь подавали самую дешевую выпивку, поэтому стража после дежурства любила заглянуть в одно из местных заведений. Хозяева одновременно тужили и радовались. Огорчались, потому что стражники мешали контрабандным делам, вздыхали с облегчением, потому что при солдатах посетители вели себя тихо, не устраивали драк.

– Вот, – Жан указал на полинявшую от дождей и снега вывеску с соблазнительно изогнувшейся кошкой.

Хмыкнув, подумала, что вместо животного надлежало изобразить женщину, все равно хозяин имел в виду не хвостатую-полосатую.

Вывеску освещал фонарь под козырьком, еще один болтался над дверью. Светло, даже слишком для подобного заведения. Эх, матроны Перекопа упали бы в обморок, окажись на пороге «Дикой кошечки», а я ничего, вошла. Проститутки меня не смущали, мужской дух тоже, благо надолго

я здесь не задержусь, опую Алана и навсегда покину город.

Низкий закоптелый потолок некогда украшала роспись, сейчас от нее осталось лишь несколько тусклых пятен. Заляпанные воском столы сомнительной чистоты, не менее сомнительная публика – все, как я ожидала, только приятнее от этого не стало. Лишь бы Алан уже пришел, не хочу дожидаться его посреди разбойников и продажных женщин. Парочка уже нашла клиентов и, пользуясь случаем, попутно очищала их кошельки.

Мое появление привлекло мужское внимание, но шагнувший следом Жан отбил желание знакомиться. Более того, ряды гостей «Дикой кошечки» поредели, кое-кто и вовсе предпочел сбежать через черный ход.

Согнав задремавшего пьянчушку, Жан усадил меня за стол и заказал выпивки. По его словам, Алан подойдет с минуты на минуту. Скорей бы! Эль не лез в горло, хотелось на воздух, подальше от табачного дыма, перегара и запаха потных тел. Трактиры в городе иные, не удивлена, что смерть настигла Анаиса Клета в подобном заведении. Тут никакая ледяная ведьма не нужна, хватит пьяной драки и ножа в спину.

Ну вот дверь в очередной раз хлопнула, впустив Алана. Встрепенувшись, кинулась к нему как к родному под свист и улюлюканье мужчин. Пускай, для всех я безумно влюблена в стражника. Алан сначала опешил, а затем невидимая рука стерла с его лица усталость. Он засыпал вопросами и пред-

ложил уйти: «Вам тут не место, Клэр». Такой милый, заботливый, жалко его, но себя мне все же жаль больше. Согласилась и без сожаления оставила «Дикую кошечку» позади. От нее до улочек самого Перекопа – минут десять неспешным шагом, миновать склады и перейти пустырь. Одна бы ни за что не сунулась, а со стражником... Впрочем, сейчас один на один с возлюбленным не останешься, повсюду патрули, гвардейцы. Вот мелькнул фонарь, и через пару минут к нам подошли четверо, взяли в каре. Не сбежишь. Спрятала лицо на груди Алана: лучше бы меня не запомнили. От мундира пахло морозом и табаком. Алан не курил, выходит, кто-то из сослуживцев. Убедившись, что перед ним офицер с подружкой, и мы идем в город, а не пытаемся сбежать из него, гвардейцы отступили. Ушлые ребята, словно призраки, выныривают из ночи.

Дар внутри недовольно заворочался, предлагая заморозить несносных чужаков. Мысленно потянулась к нему, погладила. Да, я могу, но стоит ли овчинка выделки? Мои силы не столь велики, чтобы справиться со всеми обладателями синих мундиров, а после любого заклинания наступает откат. В бытовых мелочах он незаметен, тут... Кто знает, никогда не сковывала людей льдом.

– Если бы я знал, что ты придешь, надел парадную рубашку, – извинялся Алан.

– Как ты мог подумать, что я заставлю тебя голодать?

Поклонник улыбнулся и приобнял за талию. Я не возра-

жала. Алан, в сущности, милый, при любых других обстоятельствах согласилась бы с ним встречаться, но ведьмы – народ особый, мы редко любим и еще реже выходим замуж, такова уж наша натура. В остальном... Меня не тянуло к Алану, так зачем оставаться с ним на ночь? Пусть он высокий, статный, голубоглазый, ничего не дрогнуло.

Офицер со вздохом пожаловался:

– Совсем замордовали! Не то, чтобы я считал мастера Рэса дураком, но разве убийца в городе? Он давно сбежал.

– А вдруг затаился в той же «Дикой кошечке»? Инквизиторами просто так не становятся.

– За деньги всякое возможно! – усмехнулся Алан, тиская мою руку. – Думаешь, в столице по уму должности дают?

Промолчала. Многого ты не знаешь, дружок! Мастер Рэс – опытный охотник, зверь действительно в городе.

Алан мимоходом рассказал, как стража весь день зачищала слободки. Проститутки из трактира – пожалуй, единственные воришки, которые остались в Перекопе, остальные томились в камерах до выяснения обстоятельств. Дальше Алан болтал о всякой чепухе, строил планы. Слушала в пол-уха. Флакончик с зельем приятно давил на запястье, добавляя уверенности. Ужин вдвоем с моими припасами? У него завалилась бутылка вина? Прекрасно!

Офицер снимал крохотную квартирку под крышей доходного дома. Владелец, преуспевающий купец, построил его пару лет назад, смекнув, что сможет неплохо нажиться. По-

добные дома давно не новость, но до Перекопа цивилизация доходила с некоторым опозданием. Похлопав по карманам, Алан отыскал ключ и отпер входную дверь. Небольшой холл пропах кошками. М-да, негусто платит государство своим защитникам! Несколько лестничных пролетов, и я уже сидела на жесткой койке, пока кавалер суетился, организуя подобие романтического ужина. Синие обои в полоску, пара стульев, стол, кровать – вот и вся нехитрая обстановка. Определенно, Алану нужно переезжать, если хочет, чтобы женщины оставались на ночь.

– Готово!

Сияющий от счастья поклонник принес две кружки, наполовину наполненные вином.

Вот и наступила точка невозврата, сейчас или никогда.

– Знаешь, – сжала кружку в пальцах, не спеша притрагиваться к содержимому, – я тут подумала, что жизнь продолжается...

– Клэр!

Алан порывисто потянулся ко мне и поцеловал. Сначала я опешила, но затем ответила, страстно, с наигранным желанием, не позволяя мужчине отстраниться. Быстро дернула за веревочку. Пробка бесшумно выскользнула, угодив в ладонь. Крепко сжала ее, чтобы не выскользнула, и влила в кружку Алана приворотное зелье, ровно три капли. Пробка вновь заняла прежнее место, бутылочка оказалась за манжетой. Дело сделано, можно отступить на шаг, а то Алану уже

не дают покоя пуговицы моего платья.

– Не сейчас, милый! – одарив разочарованного мужчину лучезарной улыбкой, прижала палец к его губам. – Не нужно торопиться, давай сначала выпьем, поговорим.

Сделай глоток, и ты исполнишь любое мое желание.

Напряглась, не сводя взгляда с Алана. Ну же! А он не спешил, будто специально действовал на нервы. Хотелось вырвать у него кружку и насильно влить в глотку. Но вот, наконец, вино коснулось губ. Проглотил! От сердца отлегло, мир снова наполнился звуками и запахами. Довольная улыбка тронула губы. Теперь ты мой и не так, как ты хочешь.

Тряхнув головой, распустила волосы. Они снежным покровом усыпали плечи. Завороженный, Алан проследил за моим движением. Медленно, очень медленно я наклонилась к мужчине и, установив зрительный контакт, шепнула прямо ему в лицо:

– Я твоя жизнь.

Алан нахмурился, замотал головой, но зелье уже одурманило разум.

– Да, – с придыханием откликнулся мужчина.

– И ты сделаешь все, о чем попрошу?

Довольно выпрямилась и встала. К вину в кружке так и не притронулась, поставила на стол.

– Да. Я люблю тебя!

Алан вскочил следом и, заключив в объятия, осыпав поцелуями.

– О, я так хочу остаться с тобой наедине, не отвергай меня, милая!

Обезумев от смеси собственного желания и действия зелья, кавалер попытался перейти к более близким отношениям. С трудом вырвалась и, вжавшись в стену, выбросила вперед руку. На ладони, сплетаясь в причудливые снежинки, проступили серебристые линии. Алан их не заметил, да и не мог заметить, потому что смотрел на другое – ставшие столь притягательными губы. Загнала магию обратно, сейчас она мне не понадобится. Я на минуту утратила контроль над ситуацией, но уже его вернула.

– Итак, Алан, если выполнишь все мои приказы, получишь награду.

Я бочком обошла жаждавшего ласки поклонника и заняла один из стульев. Села нарочито развязно, заложив ногу на ногу, как истинная госпожа.

– Да, любимая, – словно зомби, повторил офицер.

В глазах – пустота, марионетка в руках ведьмы.

Алан сделал шаг ко мне, пришлось снова выставить руку в предупреждающем жесте и отдать первый приказ:

– Ты не притронешься ко мне, пока не разрешу.

Ни мгновения колебания:

– Да, любимая.

Прекрасно, можно начинать игру.

Потянулась к бутылке и отхлебнула прямо из горла, для храбрости. Вино оказалось кислым и крепким, с непривыч-

ки закашлялась. Пары ударили в голову. Ничего, опьянение быстро схлынет, а немного расслабиться не помешает. Стало теплее. Надо же, я и не заметила, когда успела замерзнуть. Не иначе, перенервничала, позволила дару взять власть над телом. Когда магии слишком много, мы коченеем, на ощупь напоминаем лед.

– Алан, ты должен мне подчиняться, делать все, что скажу, и никому обо мне не говорить, хорошо?

Чуть покачиваясь, подошла к мужчине, застывшему с выражением идиотской влюбленности на лице, и провела пальцами по колючей щеке. Пора бы Алану побриться, быстрее новую девушку найдет. Кавалер гулко сглотнул и с трудом подавил желание ответить лаской.

– Замечательно! – дождавшись утвердительного ответа, продолжила отдавать приказы. – Мне нужно незаметно покинуть город. Сегодня. Ты мне поможешь?

– Да, любимая.

Все хорошо, только это выражение лица... Гвардейцы и сослуживцы сразу поймут: Алан под действием чар.

– И сделай лицо попроще, не смотри с таким обожанием, я и так знаю о твоих чувствах.

Надо же, получилось, остался только влюбленный взгляд, да еще зрачки, нужно подождать, пока они станут нормальными. Не стоит рисковать, когда в городе инквизитор.

– Пошли! – увлекла Алана к выходу.

Уже достаточно стемнело, добропорядочные горожане

давно попрятались по домам или легли спать, остались только гуляки, но им не до нас, куда милее дно кружки.

Алан шагал за мной, словно приклеенный. Со вздохом обняла его: остановит патруль, возникнут вопросы. Всем хорош приворот, только человек походит на куклу. Обычно зелье подливали по чуть-чуть, чтобы изменения состояния списали на влюбленность, мне же пришлось действовать быстро. Так, в обнимку, и добрались до моего дома. По дороге действительно повстречали патруль, но обошлось. Товарищи подтрунивали над Аланом, напоминали о завтрашнем совещании: «Смотри, не проспй!» Гвардейцы, сообразив, что перед ними стражник, особого интереса не проявили. Я, как и положено скромной женщине, прятала лицо под платком, жалась к Алану. К чести ухажера он даже под чарами сумел односложно ответить на подколки. И тут повезло!

Оставив Алана внизу, в лавке, поднялась за вещами. Кофр оттягивал руку, но ничего, лучше немного попотеть, чем болтаться с петлей на шее. Когда вернулась, кавалер стоял там же, где я его оставила. Он немного ожил, с интересом осматривался, даже задал пару вопросов о склянках на полках. Что-то невпопад ответила и встревоженно поинтересовалась:

– Так как же мне выбраться?

Алан на мгновение задумался; между бровей залегла глубокая складка.

– С нашими можно, – поколебавшись, предложил он. –

Мы в Застенье едем, там, вроде, баба рождает. Муж просил подсобить, доктора привезти, или ее сюда забрать.

Застенье – небольшая деревушка километрах в двадцати от Перекопа. Жили в ней охотники, те, кто не боялся ходить на зверя посреди высокого снега.

Рождает, значит. Как удачно сложилось! Врач не поедет, зуб даю, а я сойду за повитуху. Захотелось расцеловать Алана в обе щеки. Вот умница, сам инквизитор не подкопается.

– Тогда чего мы ждем? – Всучила оторопевшему кавалеру кофр. – Давай скорей, а то без нас уедут.

Так и получилось, что спустя час я тряслась в крестьянских санях в компании двух солдат и встревоженного мужа роженицы. Алан остался в городе, только силой внушения смогла убедить, что вернусь. Разумеется, врала. Жалко его, очень жалко, Алан провожал взглядом побитой собаки, но нельзя иначе. И роженице придется справиться самой,гляну мельком и уйду, предлог выдумая. Главное, вырваться из лап Гордона Рэса.

На выезде из Перекопа нас остановили.

Яркий свет фонаря резанул глаза. Голоса гвардейцев напоминали карканье ворон. Они долго препирались с солдатами, требовали обождать до утра, но тут уж супруг роженицы не выдержал и пригрозил всех убить, если сейчас же не пропустят «дохторицу» к супруге.

– Мы мальчика десять лет ждали, что случится, вы мне нового родите?

В итоге, ворча, гвардейцы пропустили сани.

Вырвалась, Перекоп остался за спиной.

Молчали. Каждый думал о своем. Звонящая тишина напоминала о недавно минувшей лихо поре. Уж не притаились ли где потревоженные загробные твари? Луна то выглядывала, то снова пряталась в облаках. Словно тоже побаиваясь нечисти, фыркала лохматая лошадка. Она резво трусила по дороге, потом пошла натужнее, когда пришлось свернуть на целину. Глухие места!

Застенье вынырнуло из темноты внезапно. Только что ничего, один снег, а вот уже крыши домов. Я насчитала пять дворов – не густо.

– Сюда, скоро уже.

Возница свернул к одной из изб.

Незаметно от всех сжала пальцы под медвежьей полостью и успокоилась.

Внутри избы оказалось жарко натоплено. На столе, в окружении молодки и старухи чуть слышно стонала женщина. Рубаха прилипла к мокрому от пота телу. Сильная, и без меня справится.

– Сейчас вернусь, обождите, кое-что забыла.

Снова юркнула в темноту, взглянуть, уехали ли солдаты. Ага, пошли в соседнюю избу, только охотник возился у сани, распрягал лошадь. Выходит, обратно в Перекоп до утра никто не поедет. Что ж, мне на руку, каждая минута форы дорога.

Заверив, что все будет хорошо, вытащила кофр и направилась обратно к избе с роженицей. Только входить туда снова я не собиралась, незаметно, стараясь держаться в тени стены, обошла дом и что есть мочи припустила по снегу. Он забивался в ботинки, чулки мигом намокли, но я не останавливалась, подобрав юбки, закинув кофр на спину, неслась к лесу. На опушке немного отдышалась, прислушалась. Вроде, тихо. Зажмурившись, представила бесконечную снежную даль, мысленно потянулась к заключенным в ней кристаллам льда. Под ногами закружился смерч. Надо же, получилось. Окрыленная, распахнула глаза и широко развела руки. Снежинки двумя искрящимися потоками устремились в ладони. Прошептав: «В Махал!», скрестила серебряные реки из застывшей воды. Смерч завыл, полностью скрыл белой пеленой от окружающего мира. Меня оторвало от земли, закружило, завертело. Тело заледенело, утратив чувствительность. Я не могла ни вздохнуть, ни пошевелиться, отдавшись на милость древней магии.

Глава 3

Не знаю, сколько времени прошло, может, час, может, минута. Я очнулась в незнакомой подворотне с жуткой головной болью. Попробовала встать и застонала. Складывалось впечатление, будто меня жестоко избили. Но постепенно боль отступала, на ее место пришла слабость. А еще снова стало холодно. Никогда прежде я не пользовалась снежными путями, только слышала о них. Сработало ли заклинание, туда ли меня занесло?

Дождавшись, пока голова перестанет кружиться, аккуратно, придерживаясь за кованную решетку, встала. Если я в Махале, то точно не в купеческом квартале, где прошли годы моего ученичества. Попыталась нащупать на решетке герб. Нет, выходит, я угодила в подворотню обычного доходного дома, пусть и иного порядка, нежели тот, в котором поселился Алан.

Нестерпимо хотелось пить, и я решила попытать счастья у сердобольных горожан. Должна же найтись неподалеку таверна, а лучше – недорогая гостиница, заодно не только жажду бы утолила, но и переночевала: на дворе все та же ночь.

Стараясь держать подальше от фонарей, двинулась вдоль стены до ближайшего перекрестка. Там осмотрюсь, сориентируюсь, может, пойму, куда меня занесло. Если нет, прочитаю название улицы – в Махале на перекрестках вешали таб-

лички.

Цокот копыт заставил замереть и юркнуть в ближайшую подворотню. Увы, неудачно: ватные ноги плохо слушались, и, запнувшись о юбки, я упала, выронив кофр. Всадник остановился, выходит, заметил. Я пока выжидала, не торопилась поднять поземку. В Махале никто о госпоже Рур не слышал, ни в чем ее не подозревал, а через пару дней, когда сюда дойдут вести из Перекопа, вдовая аптекарша и вовсе прекратит существование. Раздобыть новые документы в уездном городе легко, нужны лишь деньги и знания явок. Последние заменят драгоценности, первые выпрошу. Если сидеть в нужном месте, непременно уйдешь с необходимой информацией.

– Эй, вы не ушиблись? – окликнул мужчина.

Судя по легкому звяканью шпор, он спешил.

Прикусила губу, раздираемая противоречивыми мыслями. Одна часть меня подталкивала принять помощь, сыграть в опасную игру, вторая напоминала о Гордоне Рэсе.

– Эй, барышня?

Всадник подошел ближе; я слышала, как поскрипывает снег под его сапогами. Походка легкая, уверенная. И я решилась. Спрятаться всегда успею, когда восстановлюсь, уйду тем же снежным путем, а сегодня хотелось отдохнуть и выспаться: бегство от инквизитора вымотало.

– Может, самую малость, – напустила в голос растерянности гимназистки.

Кем же мне представиться? Да сбежавшей от родителей дочерью. Возраст у меня подходящий, незнакомец поверит в скорбную повесть о тиранах, вознамерившихся выдать единственную кровиночку за сморчка-соседа. Им нужны деньги, а я не хочу загубить свою молодость. Вот и сбежала, только по неопытности толком не продумала плана.

Мужчина опустил рядом со мной на корточки. От него пахло одеколоном – не из бедных, может, даже лорд. Интересно, что такому понадобилось на пустынной ночной улице? Подумала бы об увеселительном доме или попойке с друзьями, но от незнакомца не разлило ни спиртным, ни духами. Странно.

– Можно я посмотрю? – Он указал на лодыжку.

Поколебавшись, разрешила: нога действительно ныла. Похоже, незнакомец не лорд, а доктор, иначе не догадался бы о главном источнике неудобств. Другой бы подумал о ссадинах на руках, синяке на лице, этот же сноровисто расшнуровал ботинок и ощупал ногу через чулок.

– Так больно? – Он осторожно согнул стопу.

В ответ тоненько застонала: больно таки было.

– Выхих, – поставил диагноз мужчина, подкрепив подозрения насчет своей профессии. – Ничего страшного, пару дней покоя, и пройдет. Куда вы так спешили, барышня?

Фонарь освещал его профиль, и я смогла разглядеть вздернутый нос, высокие скулы и шрам на щеке.

– По делам, – повременила с откровениями, пристально

наблюдая за неожиданным помощником, благовоспитанная барышня поступила бы именно так.

– Ночью? – фыркнул мужчина и легко, как пушинку, подхватил на руки.

– Кофр! – напомнила я, не желая расстаться с пожитками.

Усадив на лошадь, незнакомец вернулся за моими вещами, более того, подобрал ботинок и любезно зашнуровал его на пострадавшей ноге.

– Ну вот, – довольно улыбнулся спаситель, оказавшийся блондином, – теперь можно трогаться. Надеюсь, вы не думаете, будто я брошу вас посреди дороги?

Напряглась, уловив насмешку. Уж не поторопилась ли я обрадоваться, не питал ли субъект особых планов на мой счет? Сейчас, ослабленная заклинанием, я не смогу дать ему должного отпора, или придется добавить к ложному обвинению в убийстве еще одно, теперь уже истинное.

Сверкнув глазами, процедила сквозь зубы:

– Я порядочная девушка и предпочитаю остаться в подворотне, чем с непорядочным мужчиной.

Незнакомец рассмеялся и подобрал поводья коня.

– Кто непорядочен? Я? То-то сослуживцы бы повеселились! Поверьте, барышня...

– Я не барышня, – грубо оборвала его на полуслове, – а госпожа с именем и фамилией.

– Которые вы не удосужились назвать, – подмигнул дерзкий спаситель и, велев подвинуться, запрыгнул в седло.

Ничего не оставалось, как одной рукой обнять мужчину за талию, а другой вцепиться в кофр, любовно прижав его к груди.

Лошадь вострепелась и рысцей потрусила по заснеженным улицам. Странно, судя по всему, мы направлялись в восточную часть города, где находились казенные учреждения.

– Мне нужно оставить пакет с докладом, – извинился мужчина, – после я в вашем полном распоряжении. Никаких приставаний, обещаю, – он фыркнул, – никаких одиноких холостяков.

– Так вы женаты? – с облегчением выдохнула я.

Ведьмам тоже присущ страх, их точно так же, как обычных девушек, насилуют и убивают.

– Разумеется. Женат, двое ребятишек, сестра – в моем доме вы в полной безопасности.

Если не врет, удача подмигнула мне вторично. Похвально, в таком возрасте – судя по голосу, блондину около тридцати, может, чуточку больше – и женат, дети. Ранние браки популярны в низах общества, остальные не торопятся приносить клятвы.

И все же, где и кем он работает, какое присутственное место открыто в полночь?

По дороге мы познакомились. Мужчина представился Николасом Альфом, я назвалась Селестиной Брие и коротко, надеясь вызвать сочувствие, поведала выдумку о жестокосердных родителях. Николас действительно пожалел и заве-

рил, из его дома меня силой никто не заберет, выйду замуж за того, кого не хочу:

– Вы уже взрослая барышня, принуждать вас не имею права, это дело подсудное.

За разговорами добрались до кварталов возле ратуши. Окна в домах не горели, ставни плотно закрыты. Уже начала сомневаться, не соврал ли новый знакомый, когда впереди, в просвете между зданиями мелькнул яркий фонарь. Мы свернули к нему и, миновав узкий переулок, оказались подле мрачного, больше напоминавшего тюрьму строения. Наверное, виной всему неотесанные камни, которыми облицевали фасад, и зарешеченные окна. Вход под гербом освещали два фонаря, один из них мы и видели несколькими минутами ранее.

– Подожди, я быстро.

Николас проворно соскочил с седла и направился к охранявшим дверь солдатам. Они меня озадачили. Что там, банк, управа? Заерзала, силясь разглядеть табличку. Она наполовину тонула в тени, удалось различить лишь окончание: «...ная служба». М-да, негусто!

Блондин показал некую мелкую вещь, и его беспрекословно пропустили. Николас действительно отсутствовал недолго, не успела заскучать, как он вновь появился в свете фонарей.

– Но вот и все, – бодро сообщил он, поставив ногу в стремя, – с работой покончено, теперь ужинать и спать.

– А кем вы служите? – решила не гадать, выяснить самым простым способом.

– Младшим следователем, – беззаботно отозвался мужчина и развернул коня.

Внутри все оборвалось, ладони вспотели. Неужели опять?!

– Во Втором отделе? – упавшим голосом поинтересовалась я.

Сейчас ответит «да», и конец.

– Почему сразу во Втором? – обиделся Николас. Его лошадка, почуяв скорую встречу с родной конюшней, припустила шибче. – Будто других отделов не существуют, барышни отчего-то только инквизиторов уважают.

– Почему только, я обычных следователей тоже очень уважаю. Правда! – попыталась загладить нечаянную вину и вернуть прежние отношения. – Это так интересно и опасно!

Надеюсь, напустила в голос достаточно девичьего восторга.

– Скажете тоже! – фыркнул блондин и приосанился. Он успокоился, уже не сердился. – Обычная работа, далекая от романтики. Хотите, потом покажу.

– Что? – не поняла я.

– Первый отдел имперской государственной службы Махала. Увидите, там все буднично и скучно, в основном одни бумажки.

– Разве туда пускают посторонних?

В голове зародился план. Это я удачно поскользнулась, встретила простофилю-следователя, теперь узнаю о всех шагах врагов. Какая разница, кому носить корзинки с провизией. На сердце Николаса я не покушалась, наверняка среди его коллег найдутся холостые мужчины симпатичнее зомби, а где Первый отдел, там и Второй, последние новости узнаю.

– Со мной пустят, – заверил блондин.

На то и надеялась.

Разумная часть меня твердила, я совершаю непростительную ошибку, нужно под любым предлогом расстаться с Николасом, раствориться в ночи, но интуиция ведьмы возражала. Именно здесь, под носом правосудия, безопаснее всего. Хватит одного побега, не нужно наживать еще очередного врага.

Младший следователь занимал большую квартиру в одном из доходных домов, с окнами на улицу, а не во двор, что свидетельствовало о его достатке. Второй этаж, самый дорогой, пять или шесть комнат, считая прихожую. В нее мы попали по темной лестнице, освещенной одиноким рожком фонаря и полукруглым окном на межэтажной площадке. Николас открыл дверь своим ключом и попросил не шуметь. Собственно, и не собиралась, понимала, ночь на дворе, перебужу домочадцев. Прежде новоиспеченный спаситель сам завел лошадь в конюшню и расседлал. Тоже не хотел тревожить конюха. Надеюсь, лежебока соизволит ее накормить, не оставит бедную животинку без воды.

Стоило отвориться входной двери в квартиру, как к нам бросилось нечто с визгливыми воплями: «Папа!» Не сразу поняла, что это ребенок, малыш лет четырех от роду. Судя по длинной ночной рубашке, он сбежал из постели, чтобы встретить отца.

– Ты чего не спишь? – шикнул на него Николас и подхватил на руки. – Мама заругает.

– Не заругает, – уверенно помотал головой малец и тут обратил внимание на меня. – Ой, а кто эта тетя?

Большие темные глаза с опаской осматривали лицо, крошечные ручки обвили отца за шею.

– Тетя временно поживет у нас, пока не найдет новый дом. Я быстро, только уложу его, – извинился следователь и скрылся в недрах темной квартиры.

Я осталась стоять на пороге, не зная, как поступить: то ли последовать за мужчиной, то ли терпеливо дожидаться в прихожей. На выручку пришла молодая женщина, моя ровесница. Она, словно привидение, возникла из темноты с толстой свечой в руках. Светлые волосы заплетены в длинную косу и перехвачены лентой, поверх скромной, до пят, плотной ночной рубашки накинута халат. При виде меня девушка плотно его запахла. Жена или сестра? Сестра – те же черты лица, опять же блондинка.

– Селестина? – неуверенно окликнула девушка.

Кивнула. Нужно зазубрить новое имя, чтобы не попасть впросак.

– Пойдемте, брат попросил вас устроить.

И никаких вопросов, видимо, отложила их до утра.

Мне отвели бывшую кладовую, из которой спешно убрали весь хлам. Получилась небольшая собственная комната. И пусть вместо полноценной кровати старый диван, зато есть, где уединиться и подумать о горемычной судьбе, чего я делать, разумеется, не собиралась, потому как ведьмы – народ сильный. Собственное, мое рождение – тому свидетельство.

– Все в порядке?

Сестра Николаса принесла постельное белье и помогла застелить кровать.

– Спасибо, – тепло улыбнулась девушке. – Большого в моем положении нельзя желать. Поверьте, если бы я знала, что стесню вас...

– Это временно, – стушевалась блондинка, – потом вы можете жить со мной. Простите, но к брату приходят разного рода посетители, в кабинете нельзя, а гостиная...

Она не договорила, но я и так поняла. Отнять место для приема пищи и чаепитий – кощунство. В детскую меня тоже не поселишь, чулан – самое то. Примерно то же сказала девушке, заодно выяснила, как ее зовут – Эрнестина.

Младший следовать тоже заглянул проверить, как я устроилась, и, пожелав спокойной ночи, ушел к супруге. Мы с Эрнестиной немного поболтали и тоже улеглись.

Утро началось с запаха кофе, детского смеха и незнакомых голосов. Кладовая примыкала к кабинету хозяина, и я

смутно слышала обрывки разговора. Потянувшись, быстро оделась и подкралась к приоткрытой двери. К сожалению, толком ничего не разглядела, только край стола. Говорили не обо мне, от сердца отлегло. Кажется, посетители – сослуживцы Николаса. Они обсуждали некое преступление, мошенничество.

– Вот бы прямо сейчас его накрыть! – азартно заметил коллега следователя.

– Без понятия? – Не видела, но чувствовала, как Николас покачал головой. – Он отопрется, соврет, будто подкинули.

– М-да, и родных привлечь нельзя, – сник государственный служащий, – а соседи попрятались, открывать не желают. Обидно до слез! Столько месяцев выслеживали – и без толку.

Он в сердцах ударил кулаком по столу.

Ну, раз не обо мне речь, тогда и подслушивать не стоит, не ровен час, попадусь. Как в воду глядела! Стоило сделать шаг, как Николас окликнул, не иначе заметил мелькнувшую тень:

– О, Селестина, вы уже проснулись? Проходите, я как раз хотел поговорить с вами.

Со мной? Внутри заворчалось нехорошее предчувствие. Неужели слухи таки дошли до центра уезда? Быстро! Какой почтой пользуется инквизиция, явно не голубиной.

Глубоко вздохнув, вошла. Мужчины – их оказалось трое – дружно уставились на меня. Двое в полицейской форме, только Николас в обычном штатском. Он сидел за столом,

остальные устроились на выдавших виды стульях. Сразу ясно, кабинет – самая популярная часть дома, именно тут следователь проводит большую часть времени, даже небольшой диванчик поставил, чтобы было где подремать посреди тяжких дум.

Стараясь не выказывать беспокойства, приблизилась и как можно невиннее поинтересовалась:

– О чем же?

– О вас.

Худшие подозрения сбывались, но я пока не торопилась впадать в панику. В крайнем случае напрягусь, постараюсь вновь уйти снежным путем. Правда, боюсь, так легко, как в первый раз, не отделаюсь.

– Внимательно слушаю вас.

Огляделась в поисках свободного стула, такового не нашлось.

– Мы уже уходим, договорим в службе.

Старший полицейский, судя по нашивкам, капитан, поднялся и, мазнув по мне пристальным взглядом, удалился. Его примеру последовал юный капрал. Выходит, Николас не собирался меня арестовывать, тогда зачем пригласил в кабинет?

– Дело, собственно, вот в чем... – Хозяин квартиры нервно хрустнул пальцами. – Не то, чтобы я вас гнал... Словом, мы несколько стеснены в обстоятельствах, нет ли кого-нибудь, к кому вы могли бы обратиться за помощью, кто бы

знал вас.

Вот оно что! Ну да, в доме дети, а Николас привел неведомо кого. На месте супруги я бы тоже поставила вопрос ребром. Где гарантия, что я не воровка?

Задумчиво прикусила губу. А только ли этим вызван вопрос Николаса? Он следовательно, подозрительность – его профессия.

Положим, есть аптекарь, у которого я училась, но знает Клэр, а не Селестину. Впрочем, мэтр Олуш – человек добрый, отзывчивый, может войти в положение. Да и какая ему выгода от моего разоблачения? С него не убудет, если один раз соврет. И я назвала имя давнего учителя.

– Хорошо, – кивнул Николас, – после завтрака мы съездим к нему.

Таки проверка. Ну да, следовало ожидать, сказки имеют свойство быстро заканчиваться.

– Николас, хватит работать! – за спиной послышался приятный мелодичный голос. – Завтрак стынет.

Обернувшись, увидела темненькую женщину приятной наружности. Она укачивала младенца и укоризненно смотрела на мужа – не сомневаюсь, передо мной супруга младшего следователя.

– Право слова, – она кивком поздоровалась со мной, – иногда мне кажется, что ты даже ночью думаешь о делах. И вообще, – хозяйка дома чуть повысила голос, – удели внимание семье, от расследований уже тошнит.

И она гордо удалилась. Один ноль, полная капитуляция.

— Не хотите помочь следствию, поучаствовать в процедуре опознания, — неожиданно предложил Николас. — В Первом отделе катастрофически не хватает женщин, а правила требуют наличия хотя бы трех девушек. Ничего сложного, — заверил блондин, — посидеть в комнате рядом с предполагаемой преступницей.

— А в чем ее обвиняют?

Сердце в очередной раз екнуло, но я уняла начавшуюся паранойю.

— Она совершила кражу. Это дело пары минут, свидетель опознает виновную и все.

Хорошо поет, но не заготовлена ли ловушка для одной ледяной ведьмы?

— Пожалуйста! — уговаривал Николас, еще больше укрепляя подозрения.

Сначала аптекарь, теперь это. Может, стоило напрячься и перенестись в другой город? Только где гарантия, что там будет лучше?

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы служанка не позвала завтракать. Выходит, прислуга в доме таки имелась, но приходящая.

За накрытым белой вышитой скатертью столом в гостиной собралась вся семья. Николас сразу углубился в чтение газеты, умудряясь при этом есть и пить кофе. Я лениво рассказывала о себе, то есть Селестине, и пыталась рассмотреть пере-

довицы. Меня волновало убийство Клета, добрались ли слухи о нем до Махала. Спросить открыто не решилась, а Николас, вроде, ничего интересного не нашел, во всяком случае, быстро отложил газету.

После завтрака отправились к мэтру Олушу. Он обитал в отдельном доме, старинном особнячке, втиснутом между двумя такими же на тихой улице. Аптека располагалась не первом этаже, а на углу, выходила окнами на бульвар. Те же деревья, те же вывески, степенная жизнь. Хотя минуло всего три года – слишком маленький срок для разительных перемен.

К особняку подъехали в экипаже – младший следователь расщедрился на извозчика. Не сомневаюсь, ни монетки не заплатит, сошлется на рабочую необходимость.

Пять знакомых ступенек стали едва ли не самым тяжким испытанием в моей жизни. Могла бы, сбежала, но пришлось подняться и позвонить в колокольчик. Сердце сжалось до размеров детского кулачка. Удастся ли переговорить с бывшим учителем без свидетелей, не станет ли встреча с аптекарем роковой?

Послышались шаркающие шаги экономки, и дверь распахнулась. Подслеповато щурясь, Ольгерда рассматривала гостей. Она ничуть не изменилась, хотя в ее возрасте время уже не торопится. Ольгерде за семьдесят, но она категорически отказывалась увольняться, все так же, как тридцать лет назад, когда заступила на службу, вела амбарную книгу

и вместе со служанкой ходила на рынок.

– Что надобно? – Вопрос прозвучал не слишком вежливо. Не узнала? И хорошо, и плохо.

Покосилась на Николаса: он пока не спешил с выводами.

– Мэтр дома?

Легонько подвинув экономку плечом, вошла в прихожую.

Да, если что-то остановилось во времени, так это дом бывшего учителя. Не менявшиеся десятилетиями вешалки, темный лак на картине с пастушкой. Право слово, не знаю, зачем ее сюда повесили, лучше бы в гостиную, не иначе отправили в ссылку.

– Дома, – кивнула Ольгерда. – Как доложить?

– Я сама доложу, – тепло улыбнулась старой женщине. – Мы старые приятели. А это, – обернулась к сопровождавшему меня мужчине, – Николас Альф, младший следователь местного Первого отдела. Видишь ли, я потеряла документы, нужно засвидетельствовать мою личность. Вот вспомнила о мэтре.

Экономка слушала молча, за что ей спасибо. Так и не вспомнила, хмурилась, но мешать не стала.

Изображая бурную радость от встречи с аптекарем, побежала к кабинету, надеясь, что Николасу не взбредет в голову припустить следом. В итоге не ошиблась, следователи в чужих домах в салочки не играют.

Замерев перед знакомой дверью, глубоко вздохнула и ринулась в омут. У меня всего пару минут, за них Клэр должна

превратиться в Селестину.

Мэтр Олуш сидел за столом и что-то быстро писал, наверное, фиксировал рецепт нового лекарства. Закашлялась, обращая на себя внимание.

– Что вам угодно?

Аптекарь поднял голову и надел очки в роговой оправе. Недовольство на его лице быстро сменилось удивлением.

– Клэр, какими судьбами?!

Только не Клэр, пожалуйста!

– Мэтр, – шагнула к столу и доверительно наклонилась к его уху, – у меня к вам просьба, это очень важно. Я потом все объясню, только называйте меня Селестиной, да, Селестиной Брис. Брис – фамилия по мужу. – Я наигранно зарделась. – Только брак – большая тайна, пока никому!

Ну вот, хотя бы половину лжи превратила в правду.

Аптекарь усмехнулся и покачал головой.

– Как была авантюристкой, так и осталась!

В это время распахнулась дверь, и мне пришлось выпрямиться, изображая скромную девушку из порядочной семьи. Надеюсь, мэтр подыграет. В собственной красноречивости я не сомневалась, сумею после ухода следователя наплести романтической чуши, поверили же в Перекопе, будто я вдова. Это совсем несложно: ложь обязана походить на правду. Достаточно вспомнить подходящую реальную историю, и твоя собственная заиграет яркими красками.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Николас. – Ви-

жу, — он кивнул на меня, — девушка действительно вам знакома.

— А как же! — улыбнулся мэтр Олуш и лукаво взглянул на меня. — Уже много лет, еще с отрочества.

Так, нужно срочно придумать, что отвечать, если аптекарь вдруг упомянет ученичество. Но мэтр — молодец, отделался общими фразами: мол, по роду его деятельности пересекались. В итоге следователь решил, будто Олуш меня лечил. Не стала его разубеждать, тут любая версия хороша.

— Простите за глупую просьбу, но в силу должности я должен задать один вопрос... — Николас замялся.

Хороший парень и плохой следователь, на государственной службе с такой деликатностью делать нечего.

— Для протокола? — насупился хозяин кабинета.

Сейчас решалась моя судьба. Разумеется, официально мэтр Олуш мою ложь не подтвердит, а вот на словах...

— Нет, конечно! — рассмеялся блондин.

Уфф, словно камень упал с души! Судя по выражению лица аптекаря, не только у меня.

— Тогда задавайте.

Мэтр расслабился, раз так, поможет. И я не ошиблась: не моргнув глазом, бывший учитель назвал нужным именем.

— Большое спасибо, вы нам чрезвычайно помогли.

Хотелось добавить, что больше всех мэтр помог мне, но по известным причинам не стала.

— А что случилось? Селестина сказала, она потеряла до-

кументы...

Аптекарь всерьез беспокоился и не за себя, за что его и любила. Большинство наставников не такие, бьют учеников, кричат на них, мэтр Олуш – никогда. Так, мог выговаривать, оставить без сладкого или похода в гости, но не унижал и оплачивал врача, если я серьезно болела. Последнее за время ученичества случилось однажды: здоровье у ледяных ведьм крепкое.

– Полагаю, она сама вам все расскажет, но потом. – Николас тоже преподнес шикарный подарок. – Простите, но сейчас мы торопимся.

Обещав заскочить на неделе и поболтать за чашечкой чая, в приподнятом настроении вернулась в экипаж. Возница покорно дожидался блондина, не желая нажать большие проблемы и лишиться лицензии.

На душе пели птицы. Расправив плечи, я без всякого страха ехала в Первый отдел. Верила, ничего дурного не случится, иначе злую шутницу-судьбу придушить мало. По пути, осмелев, засыпала Николаса расспросами: когда еще удастся прикоснуться к работе следователя без риска угодить за решетку? Да и блондину приятно, люди любят, когда им заглядывают в рот, живо интересуются их службой.

– Смотрю, вам интересно следствие. – Николас помог спуститься на мостовую и, поколебавшись, таки вложил в руку извозчика монетку. – Не хотите немного заработать?

– Как?

Вот тут во мне снова завертелось клубком беспокойство. Только опознание, никаких наживок и других контрактов с Первым отделом! Для них требовался паспорт, которого, по известным причинам, у меня пока не было, а если бы и имелся, мигом бы установили подделку. Проверки на государственной службе строгие.

– Секретарем в одном из столичных отделений. Прежняя уволилась, а новую за один день не найти. Заодно переждете гнев отца, связываться с имперской службой он побоится.

– И как же я туда доберусь, от столицы до Махала – путь не близкий.

Положим, я хотела подобраться ко Второму отделу, но слишком опасно. В столице правит бал Гордон Рэс. С другой стороны, отделений Первого отдела действительно много, а инквизитор вряд ли догадается, куда забралась беглая ведьма. Мы можем никогда не встретиться, я же на основе поручительства мэтра Олуша выправлю настоящие документы, стану Селестиной Клариссой Брис, если аптекарь не откажется от Клэр. А что, подумаешь, назвалась производным от второго имени, Кларисса и Клэр похожи. Сбежала от родителей из любви к науке, потом вернулась к ним, три года прожила в отчет доме и снова сбежала – неплохая сказка получается.

А Николаса надо расцеловать, не мужчина, а кладезь подарков.

– Мы вас перенесем. Государственным служащим положены порталы, необходимость его открытия я обосную.

Ну да, просто так прыгать через пространство разрешено только императору и его окружению, остальные, даже Гордон Рэс, по сути, всего лишь один из десятков инквизиторов, должны получить специальное разрешение. Его доставят на ближайший стационарный пункт, а дальше верхами. Система порталов древняя и сложная, во многом стихийная, новые делать чрезвычайно хлопотно.

– Так как? – наседал Николас.

Он едва не приплясывал. Что, жена велела избавиться от хорошенькой жилички?

– А откуда вам известно о вакансии? – недоверчиво проворчала я. – Повторюсь, столица не за углом.

Следователь рассмеялся:

– Сразу видно, вы не знакомы с имперской государственной службой!

Напротив, еще как знакома, в теории, и с конкретным отделом, но благоразумно изобразила, будто интересуюсь архитектурой.

– Новых сотрудников обычно не набирают со стороны, а переводят из других городов и отделений. Вот и нам вчера пришла вакансия.

– Может, ее уже закрыли.

– Может, – не стал спорить блондин, – но официальной бумаги пока не поступало. Рискните, вижу ведь, глаза загорелись. Собственный доход – первая ступень взросления. Вы перестанете зависеть от родителей и опасаться договорного

замужества.

Логика железная. Ладно, раз все подталкивает в столицу, выясню подробности.

– Сколько придется работать? И правильно ли я поняла, что в штате меня не оставят.

– Недели три от силы, – отозвался следователь и, показав пропуск, небрежно обронил часовым: – Со мной, посетитель. И совершенно верно, работа без официального оформления, временная. Но, уверен, она пойдет вам на пользу.

То, что без официального оформления, хорошо, сумею избежать тотальной проверки.

– Но у меня нет документов.

Сушая правда. Прежние, на имя Клэр Рур, надежно похоронены, концов не отыщешь. Там и приметы, и место рождения, куча информации, которая могла бы навести на след. Я их заморозила, а после разбила, остатки льда растопила над плитой.

– Сделаем, – бодро заверил Николас.

Казалось, будто в Первом отделе жуткая текучка, не хватало не только девушек для опознания, но и рядовых работников, раз требовалась незнакомка с улицы. Пусть на три недели, но все же.

Обещала подумать и вся обратилась в слух и зрение.

Нутро Имперской государственной службы полностью соответствовало внешнему облику. Не здание, а тюрьма! Коридоры, коридоры, еще раз коридоры, запутанные, пересекав-

шиеся под самыми немыслимыми углами. Видимо все было призвано максимально усложнить отступление потенциальному беглому преступнику, без Николаса ни за что не выберусь. Мой провожатый деловито провел через холл, свернул в боковой проход, отперев его специальным ключом, и поднялся на третий этаж по неприметной черной лестнице. Там я угодила в хаос, даже не так – Хаос. Мы чудом лавировали между сновавшими туда-сюда сотрудниками, иных не различишь за кипой бумаг.

– Первый отдел, – отрекомендовал беспорядок блондин.

– А Второй где? – Врага нужно знать в лицо.

– Этажом ниже. Там тише, – усмехнулся Николас.

Чтобы меня не толкнули, следователь приобнял за талию. Ничего не имела против, Селестина – приличная девушка, но не недотрога из монастыря.

– Почему?

Инквизиция и тишина – понятия несовместимые. Или пыточные в другом месте?

– Магия и секретность.

Понимающе кивнула. Надеюсь, их без особого разрешения не выпускают, чтобы тут самую секретность не нарушали.

Коротко объяснив суть чрезвычайно ответственного поручения, Николас отпер кабинет и попросил немного подождать:

– Преступницу пока не доставили, потороплю конвойных.

Вы, главное, не бойтесь, она не убийца, с кулаками не набросится.

Еще неизвестно, кому надлежало бояться, при желании могла подарить Первому отделу бесплатную ледяную скульптуру, но Селестине, безусловно, страшно. Клэр, впрочем, тоже. Близость Второго отдела тревожила, мнилось, будто Николас отправился за конвоем за меня. Но кто не рискует, тот не пьет игристого.

Кабинет младшего следователя напоминал свалку макулатуры. Как он еще не задохнулся от пыли! Повсюду связки бумаг, подшивки газет – и на столе, и на полу. Папки с делами тоже имелись, но только одна непустая – как раз той девушки, которую предстояло сыграть вместе с еще двумя подставными. Полистав страницы, убедилась, опасности воровка не представляла, магией не владела, просто ценила драгоценности. А кто из женщин их не любит?

Хорошая мысль приходит опосля, вот и я пожалела, что не изменила внешность. Ну поиграла бы с лишний день в кошки-мышки с Гордоном Рэсом, зато подготовилась бы лучше. Интуиция мгновенно не согласилась, но что толку спорить, прошлое не изменишь, нам подвластно только будущее.

Николас скоро вернулся и, спохватившись, убрал дело в сейф. Нехорошо! Ладно я, а мог бы кто-то другой заглянуть, а то и вынести.

– Я поговорил с секретарем, она обещала справится о ме-

сте. Ответ получим сегодня.

Ничего себе скорость! Какие голуби, тут речь о магическом канале связи. С трудом сдерживалась, чтобы не задать пару вопросов, но понимала, интерес к секретной разработке закончится тюремной камерой.

Блондин вкратце обрисовал потенциальные обязанности: переписка, архив, выполнение поручений руководства, организация работы курьеров. Одновременно много и не так сложно для девушки с образованием. Оно у меня имелось: мэтр Олуш заботился о всестороннем развитии личности учеников, именно поэтому органично вписалась в роль Селестины. Та академий не кончала, получила домашнее воспитание.

– Чем-нибудь из этого когда-то занимались? Ах да, – нахмурился Николас, – нет.

– Почему нет? – обиделась я. – Отцу помогала. У него богатая переписка с партнерами.

Теперь место секретаря казалось счастливой дорогой в будущее. Чем дальше и быстрее я окажусь от Перекопа, тем лучше. Три недели – не такой уж большой срок, обзаведусь новыми документами и растворюсь в столичной суете. Может, новую девушку подберут даже быстрее, если нет, своей цели я все равно добьюсь. Служить предстояло не в центральном Первом отделе, а окраинном, словом, идеально.

Под конец, когда мы пришли к соглашению, таки полюбопытствовала:

– Вы из-за супруги?

Николас пригорюнился и кивнул.

– Видите ли, Берта ревнивая...

Усмехнулась:

– Неудивительно! Ей достался такой муж, что глаз да глаз.

Блондин смущенно кашлянул и предложил пройти в комнату для опознаний. Там меня и еще двух девушек переоденут, одинаково причешут, чтобы свидетеля не отвлекали от лица и фигуры подобные мелочи.

Опознание оказалось забавной игрой, я даже получила от нее удовольствие. Как просили, сидела, не двигаясь, смотрела прямо перед собой. Свидетель, неказистый мужичек, долго ходил перед нами, пока не ткнул пальцем в воровку. Потом поняла: мог бы и в меня. Но зачем думать о гипотетических неприятностях, можно подумать, у меня реальных бед мало.

Обедать отправилась к мэтру Олушу. Нужно хорошенько его обработать, чтобы документы не сорвались в самый последний момент, заодно не стану лишний раз нервировать Берту. Если уж она решила, будто мне приглянулся ее муж, лучше не дразнить.

Глава 4

Никогда прежде я не бывала в столице, никогда прежде не ступала на платформу стационарного портала. От страха разоблачения чуть подрагивали колени. Николас улыбался, списывал все на обычное волнение. Оно тоже присутствовало: вдруг портал расплющит или сработает неправильно? Заверения, что его настраивали лучшие маги, не успокаивали – всем свойственно ошибаться.

Странно, но авантюра с новым именем сработала. Аптекарь отчитал, но таки согласился засвидетельствовать личность Селестины Клариссы Брис. Правда, после я выслушала очередную лекцию о вреде лжи и легкомысленности юного поколения.

– С твоими способностями не по мужьям прыгать, а работать, совершенствоваться, – назидательно говорил мэтр Олуш. – Ведь сама подтвердила, по дурости брак заключила, назло родителям.

Слушала и кивала. Хоть печкой назовите, только бы Клэр Рур навсегда исчезла. Обещала помириться с родителями и обязательно зайти сразу по возвращении из столицы. Мэтр Олуш обещал взять помощницей. Он уже не в том возрасте, тяжело со всем справляться.

И вот я на платформе. По сути, это обычная плита в квадратной комнате без окон. Стены обиты каким-то металлом,

на глаз не определить, каким именно. Он светлый и отражает свет. Плита монолитная, из обычного гранита. Комната небольшая, вмещает не больше десяти человек – предельная мощность однократного переноса.

В порядке исключения Николас перемещался со мной. Новые документы изготовить пока не успели, и младший следователь стал их живой заменой. Он обещал устроить на новом месте, позаботиться, чтобы нашелся приличный угол.

– Вы как нянька! – укоряла блондина. – Право, вы и так слишком много для меня сделали.

На самом деле хотела скорее отделаться от Николаса совсем по другой причине – из-за места его службы. Вдруг в младшем следователе разыграется любопытство, и он отправится навестить несуществующих родителей Селестины Клариссы? Если не сам, то кого-то пошлет. И все, попалась птичка. Именно поэтому пела, что обязательно помирюсь с отцом, всячески избегала называть его имя. Долго так продолжаться не может, нужно скорее распрощаться с Николасом Альфом. Столица – большой муравейник, главное туда попасть, а уж затеряться сумею, и концы в воду. Изменяю внешность, куплю документы и снова осяду в захолустье. Хорошо бы мнимой родней обзавестись, чтобы точно не походить на беглую ведьму, тем же ребенком. Подумаю, может, возьму на воспитание сироту.

– Скажете тоже! – фыркнул Николас. – Любой порядочный человек поступил бы так же.

Но вот, наконец, подошел встрепанный маг и велел прекратить разговоры.

– Отнеситесь к перемещению максимально серьезно и замрите, – устанавливая кристаллы по краям платформы, наставлял он. – Дышите глубоко, ритмично. Глаза лучше закрыть. Во время переноса возможны побочные эффекты, например, головная боль, шум в ушах, легкая тошнота. Это нормально. В столице вас примет другой маг, двигаться можно только по его команде. Все понятно?

Вроде, да, но пока не попробуешь, не узнаешь.

Николас приобнял за талию, в последний раз ободрил теплым словом, и мы покорно замерли, прикрыв глаза.

Стукнула дверь, звякнул засов. Паника мигом подступила к горлу, удержала ее усилием воли. Даже если это ловушка, поздно бежать. В следующий миг все вокруг завывало. Гул нарастал и нарастал, пока не превратился в монотонный высокий звук. Нас оторвало от пола и закрутило по спирали. Если бы не Николай, непременно бы завизжала. Так же, коченея от ужаса, парила в невесомости. Нечто подобное я испытала, когда воспользовалась снежным путем в Перекопе – та же неизвестность, невозможность управлять происходящим. Надеюсь, маг ничего не напутал.

Мгновения казались вечностью. Уши заложило, барабанные перепонки звенели, а кончики пальцев начали коченеть – то ли от переполнявших меня эмоций, то ли из-за дара, решившего, будто его хозяйка в опасности. Чтобы успо-

коиться, вслушивалась в дыхание Николаса и старалась вторить ему. Но вот громкий щелчок, яркий свет, и шум постепенно стих. Нас плавно опустило на что-то твердое, навверное, такую же гранитную плиту. Вся обратилась в слух: когда же разрешат двигаться? Тело затекло, хотелось скорее размять конечности.

– С прибытием в Стакет! – бодро приветствовал звонкий молодой голос. – Перемещение прошло стандартно, можете выходить. Денек сегодня солнечный, но морозный, берегите уши.

Открыв глаза, увидела в дверях улыбчивого паренька, на вид моего ровесника. Синяя форма с серебряными нашивками выдавала принадлежность к гвардии. Ну да, порталы – военные объекты, штатские там не работают.

Таки не выдержала:

– Вы кого-то подменяете?

Маг рассмеялся, взъерошив рыжие вихры:

– Вы не первая, кого мой возраст смущает. Ага, я на университетской практике, выпускной курс.

Ясно, студент. Совсем забыла, в Стакете находится большой магический университет, один из старейших в империи. Эх, дорого бы дала, чтобы попасть в его библиотеку, пообщаться с профессорами, но кто же пустит туда ледяную ведьму? Начнем с того, что нас вообще не любили. Любых. Мы получали дар непосредственно от мироздания, тесно связаны с Марой – богиней тьмы, ночи, сестрой бесконечного Ха-

оса. Знания передавались от одной ведьме к другой. Проконтролировать их невозможно, никаких дипломов, экзаменов и учебных планов для ведуний не существовало. Ледяные ведьмы и вовсе вселяли ужас. Мы носили стихию внутри себя, а не обращались к ней, как обычные маги. Она жила в согласии с нашим разумом, равная, а не служанка. Лед никогда не нес жизни, только стазис и смерть. Люди же ценят жизнь и сочинили про нас кучу небылиц: якобы мы питаемся чужими душами, кровожадны и прочую чушь.

А еще ледяные ведьмы и колдуны не умели любить. Они способны на привязанность, вроде той, что испытывают к домашнему питомцу, но не больше. Чем сильнее ведьма, тем меньше в ней чувств. Несложно догадаться, к чему это приводит. Обидишь – окоченеешь. Вот и надумали нас истреблять, чтобы не бродили по улицам не подчинявшиеся никому носители первозданной стихии. Мы ведь гордые, хозяев не терпим.

Хотя, грешным делом, думала, что инквизиция не любила ведьм по другой причине. Среди женщин магов нет, а тут вдруг кто-то бросил вызов мужскому главенству.

– Удачной практики!

Приветливо помахала студенту и, покачнувшись, сошла с платформы. В ушах до сих пор звенело, ничего, пройдет.

Стационарный портал, куда нас направил маг из Махала, располагался в гвардейских казармах – неприятное открытие. Впервые порадовалась присутствию Николас: нашлось,

за кого прятаться. Пусть думают, будто я стеснительная барышня, лишь бы лица не запомнили, с расспросами не пристали. Обошлось, мы благополучно покинули казармы и, взяв извозчика, отправились к месту моей будущей временной службы. По дороге Николас сто пятьдесят раз заверил, что я справлюсь, хотелось уже огрызнуться и напомнить, что не дурочка. Сдержалась. Всего пара часов, и Николас Альф останется в прошлом.

Пользуясь возможностью, жадно рассматривала Стакет. От его масштабов кружилась голова. Чего стоила, к примеру, ратушная башня! Казалось, она пронзала острым шпилем небо. Или площади с фонтанами и конными памятниками? А вот и собор, где короновали императоров. В него легко поместился бы весь Махал. Грандиозный храм возвели на небольшом естественном возвышении; пять башен устремились к небесам, перевитые ажурными арками. Столица казалась сказкой, причудливой фантазией, сложно поверить, что такое могли придумать и построить люди.

Однако наш путь лежал прочь от богатых кварталов. Улицы постепенно становились уже, а дома – ниже. На смену четырехэтажным пришли трехэтажные, потом и вовсе привычные строения с мезонином. Ушла пышность, пропали фонтаны и памятники. С одной стороны, грустно, так хотелось праздника, с другой – хорошо, идеальное место для беглянки.

Экипаж остановился на изгибе очередной безликой улоч-

ки и выбеленного известью двухэтажного вытянутого дома. Вывеска сообщала, что тут находился восточный филиал Первого отдела столичной имперской государственной службы.

– Ну вот, – кивнул на здание Николас и расплатился с извозчиком. – Скромно, но...

Да, по сравнению с Махалом проигрывает, но там отдел один на город, а здесь их минимум четыре, по сторонам света.

– Спасибо, меня устраивает.

Первой выбралась из экипажа, прижимая к груди нехитрые пожитки. Мысленно усмехнулась: ледяная ведьма – и работает под имперским флагом.

Охранявшие вход солдаты лениво покосились на нас и без вопросов пропустили. Вскоре я поняла почему: холл полнился жаждавшими подать заявление просителями. Они наседали на невозмутимого мужчину в форме, требуя немедленно пропустить их к следователю.

– Мне ими предстоит заниматься? – шепотом поинтересовалась у Николаса.

Если да, я прямо сейчас передумаю.

– Нет, секретарь сидит в приемной, вам придется терпеть только тех, кого пропустит охрана.

Будем надеяться, половину горожан она отсеет.

Младший следователь направился к повелевавшему посетителями мужчине, без сантиментов расталкивая попадав-

шихся на его пути людей. Я не отставала, понимая, иначе затопчут. Вслед нам летели «добрые» пожелания, напомина-
ния об очереди.

Николас достал бумагу с водяными знаками и протянул охраннику. Тот кивнул и позвал некую Эльзу. Ей оказалась низенькая девушка в очках, судя по пятнам чернил на нару-
кавниках, делопроизводитель.

– Проводи к руководству, – мужчина кивнул на нас.

– Пойдемте, – обреченно вздохнула девушка и пожалова-
лась: – Какой-то сумасшедший дом сегодня, обычно тише.

Да уж, судя по желающим подать заявление, преступления
в столице совершались ежеминутно.

Руководство восточного филиала Первого отдела импер-
ской государственной службы обреталось на втором этаже,
там же находилось место секретаря. Я мельком видела его –
заваленный бумагами огромный стол, бесконечные закры-
тые шкафы за спиной и странный кристалл на подставке. А
еще куча грязной посуды. Стол сейчас пустовал, но, судя по
оставленной на спинке стула шали, владелица скоро вернет-
ся.

– Будете мне с архивом помогать, – сопровождавшая нас
девушка догадалась о цели нашего визита. – Я больше по
текущей работе, стенографирую, заполняю формуляры, а на
вас организация хранения дел. Следователи обычно сами
подшивают, но иногда за них делать приходится. Архив на
первом этаже, а ваш стол вот, в приемной.

Словом, дел непочатый край, неудивительно, что никого на замену пока не нашли. Неплохо бы прояснить вопрос с оплатой, а то вдруг ее даже на крышу с едой не хватит.

Постучавшись в дверь с табличкой «Начальник филиала», провожатая посторонилась, а вскоре и вовсе ушла, не стала подслушивать.

Разговор выдался коротким, начальника филиала волновал только мой уровень грамотности, образование и опыт работы. Ответила правду, ну, почти правду, и получила место.

– Документы с собой?

Тут пригодился Николас, объяснивший ситуацию. В итоге начальник побухтел, но заполнил формуляр допуска и временный пропуск сроком на один месяц.

– Отнесите в канцелярию и можете приступать.

– А жилье? – Не хотелось вечером скитаться по незнакомым улицам в поисках угла.

– Ладно, – скривился владелец кабинета, – приступите к работе завтра, жду с девяти часам. И сразу сварите кофе, крепкий, без молока.

Вот так началась моя столичная жизнь.

* * *

Уголок я сняла вполне сносный – комнату в семейном пансионе. Удобства имелись, кухня общая, внизу. Хозяйка готовила вкусно, поэтому доплачивала за стол, чтобы не тра-

титься на таверны, благо жалование позволяло. Мне платили поденно, скромно по столичным меркам, но хорошо по провинциальным. Правда, сегодня ужинать предстояло не на светлой кухне с половичками из лоскутков, а в одном из кабачков, где назначил встречу фальшивомонетчик. Я вышла на него благодаря умению слушать и делать выводы, и сегодня должна была получить документы, те самые, под которым предстояло начать новую жизнь уже через четыре дня. Девушку на мое место нашли, оставалось лишь исчезнуть для закона. Интересно, какое имя и фамилию мне предложат, как будет выглядеть новая «я»? В зависимости от этого покрашусь и постригусь.

Но до встречи еще далеко, впереди целый рабочий день.

Крутила ручку ручной мельницы и мысленно выстраивала почасовой план. Сначала разобрать письма, ответить на запросы, не забыть отправить курьера в суд...

– Селестина, – дверь распахнулась, явив начальника, – нужно сложно съездить во Второй отдел.

– Но курьер еще не вернулся.

Сердце забилося чаще только от одного упоминания инквизиции.

– Тогда съездите вы. Дело важное, держите деньги на извозчика. – На стол посыпались монеты. – Спросите у секретаря пакет на мое имя, одна нога здесь, другая там!

Бросив кофе, неохотно накинула полушубок и поплелась вниз.

Второй отдел всегда один на город, никаких филиалов у него не бывает, значит, Гордон Рэс служит там, куда меня послали. С другой стороны, вряд ли инквизитор болтает в приемной с секретарем. Он метается по империи, ищет колдунов и ведьм, а если даже в столице, то засел в своем кабинете. Второй отдел огромен, повстречаться нереально. Немного успокоившись, отменилась в журнале и вышла на улицу. Извозчика поймала почти сразу и вскоре в искрящейся снежной взвеси неслась в центр города.

Всего четыре дня... Мысль согревала, дарила уверенность в будущем. Я ведь уже городок присмотрела, выбрала на самой границе. Лесов там нет, зато река, в летнее время корабли ходят. Можно даже не аптеку открыть, а лавочку. Дела я вести умею, справлюсь. А легенда... Придумаю что-нибудь.

Второй отдел имперской государственной службы занимал целый комплекс зданий неподалеку от собора. Вот уж ирония: по одну руку милосердие, по другую – пытки. Я попросила остановить у центрального входа, расплатилась и, глубоко вздохнув, шагнула под высокие своды. Снаружи здание походило на замок, размеры соответствующие. Над монументальными дверьми – имперский герб и часы. В холле меня тут же взяли в оборот: просто так, поглазеть, посетителей не пускали. Узнав, кто и зачем, пропустили, рассказали, как пройти.

Никогда прежде мне не доводилось подниматься по таким лестницам. Застеленная красной ковровой дорожкой, с

бронзовыми светильниками, резными перилами, она наводила на мысли о дворце. И все, кроме меня, этой пышности не замечали, спешили, перепрыгивая через ступеньки. Чтобы ни с кем не столкнуться, держалась ближе к перилам и, запрокинув голову, разглядывала роспись потолка. На меня косились, тихо посмеивались, принимая за провинциальную дурочку, хотя я она по сути и есть, только, надеюсь, умнее. Ни в Махале, ни тем более в Перекопе таких красот не было, кто станет тратить уйму денег на картину, которую никто не увидит? В том же уездном театре или в Ратуше украшали стены, а потолок побелили, нарисованными лентами перевили, и довольно.

Скользила рукой по гладкому дереву, впитывая его тепло, частички энергии, забранной у людей. Они десятками, если не сотнями сбегали по лестнице каждый день, и всякий оставлял чуточку себя. Все вместе – неплохая подпитка, чтобы побороть волнение хватит.

Приемная на втором этаже. Ничего страшного, поздороваюсь, заберу пакет и уеду. Глупости все, на лице дар не написан, стою в самом сердце инквизиции, и ничего.

Повеселев, обратила взор на портрет императора. Прежде я встречала его только на монетах, а теперь успела изучить во всех ракурсах, сначала в Первом отделе, теперь здесь. И лучше бы не рассматривала – по-моему, монарху явно не хватало мужественности. Кто поверит, что вот тут щуплый мужчина с рыбьими глазами – наследник великой династии. Но

художник постарался, задрапировал императора горностаевой мантией, только вот не дано ему исправить недостатки природы.

– Любуется его императорским величеством?

Я словно приросла к полу; прежние страхи вернулись. Мысленно решила не поворачиваться, просто кивнуть и прошмыгнуть мимо. Канцелярия совсем близко, я уже на площадке, не остановилась бы под портретом, разминулась бы с личным проклятием. Принесла же его Мара в столицу! Чтобы мастера Рэса замело снегами! «Нет, нет, не в буквальном смысле», – шепнула дернувшемуся дару и убаюкала его, словно ребенка. А ведь могла бы выпустить на волю, тогда вместо Гордона Рэса остался бы огромный сугроб.

Пахнувшая морозом рука в кожаной перчатке легла на плечо, разворачивая к себе. Дернулась, протестуя против подобной фамильярности, и старший следователь неожиданно скользнул ладонью по шее, коснувшись большим пальцем уголка губ. Увернулась и напомнила: мы в публичном месте.

– Вы вынуждаете меня, Клэр.

Голос Гордона прозвучал чувственно низко, мурашками разбежавшись по коже. Собственная реакция рассердила, а инквизитора, наоборот, рассмешила.

– Что же так быстро? Ведьмы обычно играют дольше.

– Я не ведьма, – отчаянно отрицала очевидное.

В голове вертелся всего один вопрос: «Как?» Я ведь замела следы, сменила паспорт... Хотелось стонать от безысход-

ности. Всего четыре дня, отчего Гордон Рэс не мог вернуться на четыре дня позже?

– Не надо, – мягко возразил инквизитор и взял в капкан мой локоть. – Пожалуйста, не вырывайтесь, вы же не хотите прилюдно примерить браслеты?

– Не хочу, но мои желания вас не волнуют.

Впервые нашла в себе силы взглянуть на него и тут же потупилась под немигающим взглядом.

– И в чем же они состоят? Идемте! – Он легонько подтолкнул меня к приемной. – Вы направлялись в канцелярию или к кому-то конкретно?

– Уж явно не к вам, – окрысилась я, продумывая пути к отступлению.

Гордон самоуверен, не надел ошейник, не прибег к магии, выходит, верил, я раздавлена и никуда не денусь. Напрасно! Разбить окно – от силы минута, дальше – полет. Зима выдалась снежная, падение выйдет мягким. Конечно, поднимется тревога, скорее всего меня поймают, но существовал крошечный шанс спастись, и ради него надо постараться.

– Жаль! – Сложно сказать, расстроился ли он. – Облегчили бы свою участь. Но пока ведете себя мирно. Раз так, если согласитесь ответить на мои вопросы, с натяжкой зачту явку с повинной.

Со стороны мы походили на парочку, инквизитор даже обнимал для достоверности. Он здоровался с проходящими, обменивался с некоторыми рукопожатиями, перебрасывался

парой слов, а я терпеливо ждала разрешения своей участи.

Наконец мы добрались до канцелярии. Тут строчили перьевыми ручками шесть женщин в одинаковых серо-голубых форменных платьях; волосы уложены волосок к волоску. Седьмая женщина лихо управлялась с посетителями, одновременно умудряясь говорить по кристаллу. По долгу службы мне тоже пришлось освоить это переговорное устройство. Работало оно через раз, давало жуткие помехи, зато помогало оперативно связаться с другими филиалами в пределах пятидесяти миль, дальше силы кристалла не хватало.

– Добрый день! – непривычно тепло улыбнулся Гордон. Лицо его на миг преобразилось, утратив звериные черты, я бы даже назвала его красивым. – Как поживаешь, Верити? Ничего для меня?

Блондинка с кристаллом подняла голову и расцвела в ответной улыбке.

– О, Гордон, уже вернулись? Мы и не ждали так рано. А кто это с вами?

Женщина окинула меня пытливым взглядом, оценила и, судя по мимолетной гримасе, сочла достойной соперницей. Мелочь, а приятно.

– Знакомая. Она по делу. Так есть письма?

– Да, сейчас!

Определенно, Гордон спал с блондинкой, иначе стала бы она так суетиться, нагибаться, стараясь выгодно преподнести свои достоинства. Во всяком случае, секретарь имела виды

на мастера Рэса.

– Вот! – С все той же слащавой улыбкой девушка протянула небольшой пакет и связку писем. – Все сохранила в лучшем виде.

Она так отчаянно хлопала ресницами, так часто дышала, что хотелось прикрикнуть на Гордона: «Да обрати внимание, дурак!» А он смотрел на меня, смотрел и едва заметно хитро улыбался.

– Ну?

Не сразу поняла, что нужно инквизитору, потом догадалась: выполнить свое поручение. Умный, хотел понять, каким образом я задержалась в столице на легальном положении.

Бесцветным голосом отбарабанила про пакет и получила нечто увесистое. У начальника там все тома Имперской библиотеки?

– Восточный филиал Первого отдела? – поднял брови Гордон.

Ясно, начальник досрочно выйдет на пенсию, глупо надеяться на склероз одного крайне дотошного старшего следователя.

– Я временно замещаю секретаря, – можно признаться, все равно через час доложат.

А в руках у меня тяжелый метательный снаряд, пора привести его в действие. Воспользовавшись тем, что инквизитор временно меня отпустил, шажок за шажком приближи-

лась к окну. Гордона отвлекала блондинка, пусть и дальше щебечет.

Раз! Зазвенело стекло. Девушки за столами завизжали и по команде рухнули на пол, посетители замешкались, а я, подобрав юбки, смело прыгнула вниз. Гордон не успел поймать, пальцы цапнули пустоту.

Взметнулся снежный буран, временно сделав невидимой от изумленных наблюдателей. Больше не таилась: моя сущность – больше не секрет для инквизитора, когда узнают остальные, лишь вопрос времени.

Падение выдалось более жестким, нежели ожидала. Однако времени, чтобы продышаться не было, пришлось сразу вскочить и, зажимая ушибленный бок, ринуться прочь от Второго отдела имперской государственной службы. Только бы успеть, только бы ворота не захлопнулись перед носом! Тогда никакая магия не поможет, разве только... Но причинять кому-нибудь увечья, тем более убивать, не хотелось. Мне улыбнулась удача в виде экипажа. Под прикрытием все того же снежного облака, якобы поднятого колесами, словно мальчишка, изловчившись, устроилась на запятках и, замирая от страха, благополучно очутилась на улице. Слезать не спешила: бок нещадно болел, я никак не могла отдышаться.

Экипаж катил на запад – впрочем, все равно. Возвращаться в пансион нельзя, там засада. Ничего, первое время проживу без денег, после найду, как заработать. Главное, замерзнуть мне не грозило, зимой это страшнее всего.

Проехав пару кварталов, прыгнула и затерялась в толпе.

Хм, ярмарка. На соседней улице развесили бумажные фонарики, расставили палатки и лотки со всевозможной снедью и ремесленными поделками. Воровато озираясь, поспешила туда. Меня манило не только скопление людей, надежно заслонившее бы от глаз солдат, но и то, чем можно тайком поживиться.

Жаль волос, но сейчас мне лучше стать мальчиком.

Ножницами разжилась быстро и теперь, пробираясь от одной палатке к другой, искала готовое платье. Кажется, там, за стекольщиком мелькнули рубашки. Никогда прежде мне не доводилось воровать, но все прошло на редкость гладко. Пока хозяин возился с покупателем, засунула под полушубок первое попавшееся и юркнула в проулок, больше напомнивший дыру между домов. Теперь нужно найти укромное место и попытаться второй раз пройти снежным путем. Куда? Пожалуй, на границу империи. Там сменю облик и пару дней проведу под именем, скажем, Грэга, пока не найду способ покинуть страну. Оставаться в империи смертельно опасно.

– Я очень не люблю, когда меня бросают девушки: ранит мужское самолюбие.

В следующий миг губы обжег жесткий поцелуй, а инквизитор крепко прижал к стене, не позволяя пошевелиться. Сжимавшая ножницы рука безвольно повисла, стиснутая крепкой мужской рукой. Потом пальцы и вовсе разжались,

выронив оружие на снег. Я сопротивлялась, отчаянно сопротивлялась, пока язык Гордона не проник сквозь мои случайно разомкнувшиеся губы. И все, я поняла, что проиграла. Первый, самый первый настоящий поцелуй в моей жизни заставил пересчитать инквизитора врагом, разогнал мурашки по телу. Оно потянулось к мужчине, требуя новой ласки, на краткий миг, но его хватило. Пусть после я попыталась укусить, Гордон все почувствовал. Не понимаю, как он сумел добиться подобной реакции, ничего подобного прежде со мной не случалось. У ледяных ведьм нет чувств, тем более желаний. О, теперь я поняла, что влекло женщин к мужчинам, но старания Гордона напрасны, афродизиакom меня в клетке не удержать.

– Ненавижу! – процедила сквозь зубы, когда защелкнулся железный ошейник на цепочке.

– Так с женщинами проще всего, – пожал плечами инквизитор и намотал конец поводка на руку. – Вы поддаетесь эмоциям и теряете контроль над собой. Хотя в данном случае я получил удовольствие.

– Ах удовольствие!

Рассвирепев, метким ударом колена заставила Гордона согнуться пополам. Довольно улыбалась, наблюдая за тем, как он корчится. Пусть проулок оцеплен, а впереди короткое бесцветное будущее, маленькая месть свершилась. Ни один мужчина не посмеет надо мной издеваться! Решил потешить самолюбие, получи. Как только мне могло понравиться? Во-

истину, в минуту опасности мы становимся безумными.

Щеку обожгла оплеуха, да такая сильная, что я не удержала равновесия и рухнула на снег. Понятно, кто-то из солдат не стерпел.

– Ведьма!

Тоненько вскрикнула, когда грубый сапог со всей силы впечатался в живот. От боли из глаз брызнули слезы.

– Хватит!

Сквозь радужную пелену разглядела, как оправившийся Гордон оттолкнул солдата и склонился надо мной. Знакомый запах кожи ударил в нос. Прикрыла глаза, не желая видеть мучителя. Пусть велит погрузить в клетку, и покончим с этим.

– Клэр?

Не пошевелилась.

– Клэр Рур?

Инквизитор попался настойчивый, пришлось посмотреть на него. Гордон протягивал платок.

– Кровь, – коротко пояснил он.

Молчаливо приняла платок и приложила к стремительно набухавшему синяку. Потом чуть ниже нащупала ссадину – оцарапалась, когда упала.

– Идемте!

Инквизитор легко поднял на ноги и намотал на руку еще несколько звеньев цепи, чтобы лучше контролировать движения.

– Больше так не делайте, – он намекал на удар коленом.

– Не обещаю, – окрысилась я и таки в сердцах выпалила: –

Целовать – это подло!

Гордон фыркнул и не удостоил меня ответом, зато солдаты высказались от души. Мне, отродью Мары, надлежало радоваться любому мужскому вниманию, особенно такого уважаемого человека, как мастер Рэс. Слушала в пол-уха и мучилась: зачем он поцеловал? Желания не было, только легкий интерес. Не понимаю!

На противоположном ярмарке конце проулка поджидала закрытая карета с зарешеченными окнами. Кучер проворно распахнул дверцу, и двое солдат скрылись в зеве экипажа. Следующей забралась я, последним – Гордон. Он усадил меня ближе к себе, подальше от конвойных – крохотная, но забота. Карета дернулась и тронулась, увозя меня к самым страшным кошмарам.

Глава 5

От Гордона Рэса пахло корицей – совершенно неправильно для инквизитора. Сейчас, когда он снял пальто в своем наминавшем кунсткамеру кабинете, аромат проявился в полной мере. Виной всему мороз, он волшебным образом умел кристаллизовать запахи на волосах и одежде. А еще более неправильно, просто дикость, что я не могла ни на чем сосредоточиться, только на этом запахе, слишком домашнем, слишком теплом.

Я сидела на высоком стуле без подлокотников, все в том же ошейнике, со связанными запястьями и щиколотками. Для полноты картины не хватало только кляпа, но старшему следователю требовались мои показания. Свет от лампы падал на лицо, заставляя жмуриться. Шторы Гордон задернул, намеренно погрузив комнату в полутьму, отчего уродцы в банках казались еще страшнее. Зачем они понадобились инквизитору? Он не походил на безумного. На других полках стояли разнообразные флакончики. Сначала решила, будто они из-под духов, но заметила на одном из них надпись: «Белладонна». Яды. Не обошел вниманием старший следователь и разнообразные ошейники, ручные кандалы, собралась неплохая коллекция. Разумеется, нашлось место и книжным шкафам, старинным и высоким, под потолок. Тут все дышало прошлым, казалось, время замерло пример-

но полвека назад. Как и мое сердце, которое билось через раз.

Попалась. Так глупо попалась! Из-за дурацкого маскарада! Хотя важнее было просто сбежать в самый глухой уголок и надеяться выжить. Теперь надежда практически умерла.

– Итак, преступим! – потер руки Гордон.

Полон энтузиазма, значит, отправит к палачу. Напрасно я так обошлась с гвардейцем, напрасно сочинила письмо, напрасно не сдержала эмоций при инквизиторе... Много чего еще, что все вместе привело к столь печальному концу.

Не пошевелилась, когда старший следователь остановился рядом, только ниже опустила голову. Я физически ощущала его близость, хотя Гордон не касался даже кончиком пальца. Знаете, случается такое, не смотришь, а словно видишь каждое движение, мимолетный жест.

– Зачем сбежала?

Вопрос прозвучал обманчиво мягко. Другая поверила бы, но я его ударила, сомневаюсь, будто Гордон простил. Еще бы, испортила торжество мужского самолюбия! Я симпатичная, инквизитор хотел скрасить унылый досуг, пока меня не изуродовали пытками, а тут колено, да еще прилюдно. Но не жалею, у ведьмы тоже есть честь.

– Откуда? – облизнув губы, глухо поинтересовалась я.

– Начнем с Перекопа. Ты же знала, я заметил лед.

Вот и сбылись худшие опасения, сама дважды подтвердила, что ледяная ведьма. И «ты»... Мысленно усмехнулась.

Ну да, пойманная ведьма хуже собаки.

– Именно поэтому.

– Неверно, – покачал головой Гордон и поправил лампу, теперь она не слепила.

Старший следователь не спешил садиться, снова пристроился рядом, опершись копчиком о край стола. Он прекрасно понимал, как нервирует подобное поведение, близость врага. Как же я стыдилась того чувства, которое испытала во время поцелуя! Как можно желать собственного убийцу, ладно бы красавца, так нет. К счастью, прошло, теперь инквизитор вызывал только ужас. Он холодом разлился по жилам, железной хваткой сжал горло.

– Что именно: ответ или решение?

Как же я устала! Может, все закончится прямо сейчас, зачем изводить допросами.

– Решение. Хочешь чаю?

– А? – Вопрос прозвучал настолько дико, что сначала решила, будто ослышалась.

– От волнения пересыхает горло, а ты не в первый раз облизываешь губы. Надеюсь, не против фамильярности?

Рассмеялась, осмелившись встретиться взглядом с Гордоном. Издевается! Можно подумать, у арестованной ведьмы есть выбор.

– Благодарю, меня все устраивает, мастер Рэс, только пить чай со связанными руками неудобно, – указала взглядом на веревки. – Или это какой-то вид пыток, вдруг вы вливаете в

рот несчастных кипятков.

Старший следователь фыркнул:

– Какая глупость! Чай – это просто чай. Немного меда, немного мяты и мелиссы. Руки я развяжу, ты не агрессивна.

Хоть на этом спасибо! Я просто разумна, понимаю, что задуши Гордона той же цепью, ударь по темечку пресс-папье, дальше соседнего коридора не уйду. Магия заблокирована, самой мне ошейник не снять, о снежных путях надлежало забыть.

– Хочу взглянуть, что произойдет с чаем, – после короткой паузы продолжил инквизитор и, наклонившись, действительно разрезал путы острым канцелярским ножом. – Снова заморозишь? Ледяные ведьмы – крайне редкие экземпляры, не доводилось прежде наблюдать их так близко.

– Так я диковинная зверушка?

Я едва сдерживала закипавшую злость. Нашел развлечение! Или мстит? Безусловно, мстит, мелочно и гадко.

– Нет, человек.

– Врете, – дерзко заявила в ответ и растерла онемевшие конечности. – И вообще, где чай? Решили проявить заботу, так проявляйте.

– Характер! – уважительно протянул инквизитор и ненадолго скрылся за дверью.

Вернулся он... с чаем. Дымящаяся чашка одиноко стояла на подносе. Изумленно уставилась на Гордона. Я ожидала чего угодно, только не старшего следователя Второго отдела,

работающего личным дворецким.

– Пей! – Мне вручили белую фарфоровую чашку, из которой не погнушалась бы пить сама императрица. – Даже жалко тебя. Прежние ведьмы не были такими неопытными и хорошенькими.

Его взгляд скользнул по моему лицу и остановился на губах. Тут же нестерпимо захотелось их облизнуть, прикусить – что угодно, чтобы унять зуд, но я сдержалась. Обычная провокация, Клэр.

– Именно поэтому вы меня поцеловали?

Жадно делала глоток за глотком, обжигая язык и небо. Действительно очень хотелось пить, а еще избавиться от ледышки внутри – порождения страха.

– Поэтому, – не стал отпираться Гордон и снова, как на лестнице, коснулся губ большим пальцем. – Я мог бы облегчить твою участь взамен на небольшую услугу.

Прозрачный намек повис в воздухе. Пальцы инквизитора между тем скользнули ниже, по подбородку, шее... Он остановился на кромке выреза платья, будто раздумывая, стоит ли расстегнуть пуговицы и продолжить.

– Вы сильнее, мастер Рэс, но просто так я дамся, – мрачно предупредила потенциального насильника и приготовилась выплеснуть чай ему в лицо.

– Ведьма – и порядочная? – пришло время Гордона удивляться. – Ну же, Клэр, перестаньте, я далеко не первый. Покраснела до ушей, но призналась:

– Первый.

И тут же сделала поправку:

– Могли бы стать, но не станете.

Инквизитор убрал руку и отгородился от меня столом. Его поведение мгновенно изменилось, Гордон больше не делал пошлых намеков и не прикасался. Мрачный, он торопливо заполнил формуляр, ограничившись скупым: «Жаль!» Невольно прониклась к нему уважением. Ничего не мешало Гордону овладеть мной, ожог от чая лишь раззадорил бы, но он не стал. Выходит, среди инквизиторов тоже встречались благородные люди.

– Простите, госпожа Рур, – Гордон перешел на «вы» и деловой стиль общения, – обычно ведьмы ведут иной образ жизни, что дало мне повод подумать... Однако странно.

– Почему? – Нервно оправила воротничок.

– Любовники помогают выжить.

– Я выживала сама, мастер Рэс.

Наверное, ответила излишне резко, но так получилось.

– И ни разу не хотелось? – продолжал выпытывать инквизитор. – Ну же, вы здоровая молодая женщина, признайтесь.

– Ведьма, – с горькой усмешкой поправила Гордона, – женщине вы бы подобных вопросов не задавали. И нет, не хотелось.

На мгновение испугалась, он напомним о минутной слабости, снова попыбует склонить к близости, но разговор зашел о другом, моя личная жизнь старшего следователя больш

ше не волновала.

– Так отчего же вы сбежали? – Перо мерно скрипело по бумаге. – Повторюсь, разумнее повиниться и согласиться на следственные мероприятия.

Расхохоталась:

– Мероприятия? Ледяная ведьма заведомо виновна.

Гордон не стал оспаривать выдвинутый тезис и переформулировал вопрос:

– Хорошо, на что вы надеялись, когда столь эффектно выбили окно?

Ответила предельно честно:

– Остаться в живых.

Гордон усмехнулся. Ну да, ему смешно слышать такое от ведьмы. И так обидно стало, так горько. За что со мной так? Только за дар, только за ледяной кристалл в руке трупа. Дорого бы дала, чтобы выяснить, кто меня подставил. Сомневаюсь, будто идея свалить преступление на ледяную ведьму пришла убийце спонтанно, для этого нужно хотя бы знать, что таковая имелась.

Я увлеклась невеселыми думами и не сразу заметила, что инквизитор перестал писать и пристально смотрит на меня. Сколько: минуту, две? Неважно.

Поколебавшись, Гордон освободил мои ноги.

– Только без глупостей! – предупредил он. – Делаю поблажку за молодость и относительную безобидность. Скорее всего вы убили Анаиса Клета по личным мотивам. Дар явно

не управляет вашим разумом.

– Я не убивала!

На глаза навернулись слезы. Что, что ему сказать, чтобы он поверил?! Но убитый сжимал в руке ледяной кристалл, а других ведьм в Перекопе нет, иначе почувствовала бы.

Низко опустила голову, задыхаясь от бессилия. Дурацкие суеверия, дурацкая охота, которая вынудила совершать ошибку за ошибкой. И подарок судьбы, оказавшийся смертельной ловушкой. Сидела бы в Махале, глядишь, разминулась бы с карглазым проклятием.

– Сколько вам лет, Клэр? – Гордон забрал опустевшую чашку и, передвинув свободный стул, устроился напротив.

– Двадцать два.

Инквизитор покачал головой. Видимо, тоже считал, что умирать в таком возрасте рано.

– А?.. – страшный вопрос никак не давался, но я обязана его задать. – Как казнят ведьм?

До меня доходили слухи, но вдруг методы изменились? Небо, я согласна стать любовницей Гордона, лишь бы только умереть быстро! Он ведь может изменить приговор, потребовать, чтобы мне, например, дали яду.

– Потом, – покачал головой инквизитор и протянул мне платок. – Давайте поговорим о другом.

Тяжело о другом, когда давит ошейник. Гордону не понять, он никогда не окажется в моем положении. И поведение его объяснимо. Власть развращает, не удивлюсь, если

развлечения с бесправными арестантками – обычная практика для Второго отдела. А что, не пропадать же красавице, пусть напоследок вкусит мужского тела.

– Откуда у вас дар?

Промолчала. Какая разница, если я априори виновна.

– Клэр? – настойчиво повторил Гордон.

– От отца, – неохотно призналась я.

Лучше ответить, не хочу в пыточную! По телу пробежала волна крупной дрожи. Там каленое железо, щипцы, дыба. Палачу плевать, виновна ты или нет, его не разжалобят крики, а после... Я не выдержу, точно не выдержу, во всем признаюсь! Только поздно, суставы обратно не вправить.

Из глаз брызнули слезы. Я судорожно всхлипнула и отвернулась.

– Тихо, тихо, успокойтесь!

Инквизитор наклонился и ободряюще похлопал по плечу.

– Я не виновна, мастер Рэс, если вы дадите мне шанс, я докажу!

Не в силах сидеть, вскочила, в порыве чувств ухватила Гордона за руки и, сообразив, что делаю, тут же отпустила. Лишь бы он не воспринял как угрозу! Мог ведь подумать, будто собиралась задушить. Подняла взгляд и рассвирепела: он смеялся! Пусть беззвучно, но потешался.

– Казните!

До предела натянув крепившуюся к стулу цепь, гордо отвернулась.

Глупая, решила, будто Гордон Рэс человек! Вспомни, он заподозрил тебя сразу, еще до праздника, какого сочувствия ты ждала. Ему нужна кровь, и она прольется.

– Внимательно выслушаю, но сначала допрошу. Это обязательно, Клэр. Сядьте, пожалуйста, – мягко попросил Гордон.

И не подумаю, только голову повернула.

– Пожалуйста, – чуть повысил голос инквизитор.

Зачем, можно прямо сейчас позвать стражу и бросить меня в камеру, а протокол заполнить задним числом, приписав ледяной ведьме все нераскрытые преступления.

– Как же вы упрямы! – неизвестно кому в сердцах пожаловался Гордон.

Думала, он принудит сесть силой, но старший следователь поступил иначе – погасил лампу и раздвинул шторы. В комнату хлынул приглушенный зимний свет; на стеклах заиграло отраженное сугробами солнце. Гордон распахнул окно и зачерпнул немного снега с карниза. После подошел ко мне и зачем-то высыпал содержимое ладоней на волосы. Стояла и ничего не понимала.

– Ведьма, – кивнул инквизитор, довольный проделанным экспериментом, и пояснил: – Даже в ошейнике ледяная ведьма не теряет своей сути, снег на ее коже не тает.

Вот ведь, никогда не замечала.

– Разумеется, мы привлечем эксперта, – Гордон закрыл окно и таки сел за стол, – все оформят должным образом, но

вы ведь не отрицаете наличия дара? – Покачала головой. – И расскажете мне об отце.

– Так нечего рассказывать, – вздохнула я и села. Инквизитор победил. – Я его никогда не видела, имени не знаю. Фамилию унаследовала от матери.

– И никогда не пытались узнать? – не поверил Гордон.

– Пыталась, но мама молчала, а я не помнила, куда она меня привозила. Какой-то дом в большом городе. Простите, – развела руками, – для маленького ребенка все одинаково. Я не выгораживаю его, действительно не знаю.

– Верю.

Это было первое «верю» Гордона Рэса, чрезвычайно важное, подарившее надежду. Может, инквизитор действительно хотел докопаться до сути, а не быстрее раскрыть дело? И я доверилась ему, чистосердечно поведала о своей жизни, утаив лишь имена помогавших мне людей: не хотела, чтобы они пострадали.

Инквизитор молчал, а я изучала узор паркетного пола, изредка кидая взгляд на окно. Если призвать всю силу, если...

– Не надо, – Гордон словно угадал мои мысли. – Никаких новых побегов. Ошейник крайне болезненно реагирует на попытки колдовства, вы обречете себя на долгие часы страданий. Лучше скажите, – он пожевал кончик самопишущего пера, – как прежде вы проявляли силу. Например, способны ли вызывать снежную бурю?

Напряглась, понимая, куда он клонит, и покачала головой.

Лучше ограничиться тем, что имела неосторожность показать.

– Я всегда мечтала жить, как обычный человек, старалась дружить с соседями, никому не желала зла, – говорила и не понимала, зачем ему рассказываю. – Сила была, но использовать ее – встать на скользкий путь к Маре.

Именно так, тогда бы дар захватит власть над разумом, превратил в ту самую страшную ледяную ведьму из баек. Радовало одно: не нашлось наставницы, которая бы развила мои способности. Это такой соблазн – повелевать другими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.